Королева ничего

Автор:
Холли Блэк

Королева ничего

Холли Блэк

Воздушный народ #3

Долгожданный финал культовой серии, которая разошлась по миру тиражом свыше 10 миллионов экземпляров! Власть легче завоевать, чем удержать. Джуд, Верховная королева Эльфхейма, лишена власти, но не сломлена. Даже находясь в изгнании, она не оставляет надежды вернуться ко Двору фейри. Отринув свои чувства к Кардану, Джуд спешит на помощь сестре, которая попала в беду в Фейриленде. Но знакомого Эльфхейма больше нет. Война на пороге. И Джуд должна собрать все свои силы, чтобы спасти то, что осталось. И даже, возможно, стать настоящей королевой монстров, если потребуется…

Холли Блэк

Королева ничего

Ли Бардуго, которая никогда не позволяет мне уйти ни с чем.

Holly Black

THE QUEEN OF NOTHING

Copyright © 2019 by Holly Black Cover art copyright © 2019 by Sean Freeman. Cover design by Karina Granda.

© Мольков К., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Книга 1

Решил жениться эльф-король на девушке

земной.

Он для того хотел ее назвать своей женой,

Чтоб сын его, благословлен крестом, святой

водой,

Навеки избежал судьбы всех фейри роковой,

Когда тот грозный судный день придет

на их порог,

Хоть он далек, тот день, далек. Пока —

далек!..

Эдмунд Кларенс Стедман

«Эльфийская песнь»

Пролог

Королевский астролог Бафен внимательно рассматривал гороскоп и старался не вздрагивать, когда самый младший из принцев Эльфхейма резко клевал своей королевской головкой.

С момента появления на свет принца Кардана прошла неделя, прежде чем его, наконец, решили представить Верховному королю. Предыдущих пятерых наследников показывали ему немедленно – красных, кричащих, но на этот раз леди Аша откладывала визит короля до тех пор, пока сама не оправилась после родов.

Младенец был щуплым и морщинистым. Он молча смотрел на короля Элдреда своими черными, как маслины, глазками и с такой яростью молотил крохотным хвостиком, что грозил в клочья разодрать им пеленки, в которые был завернут. Леди Аша, казалось, не знала, как ей справиться с малышом, и оглядывалась вокруг с таким видом, словно мечтала, чтобы кто-нибудь поскорее взял на себя это бремя вместо нее.

– Открой нам его будущее, – приказал астрологу Верховный король.

На церемонии представления нового принца помимо королевской семьи присутствовало всего трое: смертный Вал Морен, который был одновременно придворным поэтом и сенешалем, и два члена Живого совета – министр ключей Рандалин и астролог Бафен. В огромном пустом зале слова Верховного короля отдавались долгим, гулким эхом.

Бафен колебался, но ни солгать, ни уклониться от ответа он не мог. До рождения принца Кардана судьба уже подарила королю Элдреду пятерых детей, что было невиданной редкостью среди народа. Фейри с их жидкой кровью крайне редко производили на свет потомство. Звезды в гороскопах предыдущих наследников Верховного короля предсказывали юным принцам и принцессам много разного в их судьбах – таланты к поэзии и музыке, успехи в политике, добродетели и пороки. Но на этот раз все обстояло совершенно иначе.

– Принц Кардан станет последним родившимся у вас ребенком, ваше величество, – сказал королевский астролог. – Он же уничтожит корону и

разрушит трон.

Леди Аша резко втянула ноздрями воздух и впервые за все время крепче прижала к себе новорожденного Кардана. Он запищал, завозился у нее на руках.

– Любопытно было бы узнать, кто повлиял на вашу интерпретацию звездных знаков, – сказала она. – Быть может, принцесса Эловин к этому свою руку приложила? Или принц Дайн?

«Возможно, ей было бы лучше выронить его, и дело с концом», – неприязненно подумал – Бафен.

– И этого никак нельзя предотвратить? – спросил король Элдред, задумчиво потирая подбородок.

Может быть, это даже хорошо, что звезды оставляли Бафену гораздо больше загадок, чем давали ответов на них. Раньше он очень часто жалел о том, что не способен отчетливее видеть будущее, но только не в этот раз. Однако нужно было отвечать, и астролог осторожно произнес, склонив голову так, чтобы не встречаться взглядом с Верховным королем:

– Только из пролитой им крови может восстать великий правитель, но не раньше, чем исполнится все то, о чем я вам сказал.

Элдред повернулся к леди Аше и ее ребенку, предвестнику несчастий в королевской семье. Сейчас младенец молчал, словно камень, не плакал, не гукал, лишь по-прежнему стегал своим хвостиком.

– Унесите его прочь, – приказал Верховный король. – И обращайтесь с ним так, как сочтете нужным.

– Я буду воспитывать его, как и подобает, – не дрогнув, ответила леди Аша. – Как бы то ни было, он принц и ваш сын, между прочим.

Тон королевы был резок, и Бафен невольно вспомнил о том, что некоторые пророчества порой исполняются благодаря тем действиям, которые должны были их предотвратить.

На короткое время в зале повисла тишина, затем Элдред кивнул Вал Морену, который покинул помост и возвратился, неся в руках небольшую деревянную шкатулку с крышкой, украшенной резным узором в виде корней.

– Подарок, – сказал Верховный король. – В знак признания того вклада, который вы внесли в продолжение рода Гринбриаров.

Вал Морен открыл шкатулку. В ней оказалось изысканное ожерелье из крупных, тяжелых изумрудов. Элдред взял ожерелье и надел его на шею леди Аши. Притронулся к щеке жены тыльной стороной ладони.

– Ваша щедрость велика, милорд, – смягчившись, произнесла леди Аша. Младенец ухватил крохотным кулачком один из камней ожерелья и уставился на отца своими бездонными глазами.

– Теперь ступайте и отдохните, – негромко приказал Элдред, и на этот раз леди Аша безропотно подчинилась.

Она покинула зал с высоко поднятой головой, крепко прижимая к себе ребенка, а Бафен почувствовал пробежавший у него по спине холодок. Это было предчувствие чего-то такого, что не имело никакого отношения к звездам.

Больше Верховный король Элдред леди Ашу не навещал и саму ее к себе тоже не вызывал. Возможно, ему следовало бы, забыв свою неприязнь, заняться воспитанием сына, но, глядя на принца Кардана, Верховный король всякий раз чувствовал себя так, словно заглядывает в смутное, тревожное будущее, и потому избегал его.

Забытая Верховным королем, леди Аша тем не менее была очень востребована при дворе. Любительница всевозможных праздников и легкомысленных забав, она жаждала как можно скорее вернуться в веселую придворную жизнь. А поскольку посещать балы, будучи привязанной к грудному ребенку, невозможно, леди Аша подыскала принцу Кардану кормилицу, которой стала кошка, родившая мертвых котят.

Так продолжалось до тех пор, пока принц Кардан не начал ползать. Но затем кошка забеременела новым выводком, а окрепший принц начал таскать ее за хвост. Кошке это не понравилось, и она перебралась жить на конюшню, бросив

принца точно так же, как сделала это его мать.

Так он и жил во дворце – никем не приласканный, никому не нужный. Рос без присмотра, воровал со столов еду, жадно поглощая ее под теми же столами, и никто не останавливал его – да и кто бы посмел? Сестры и братья лишь смеялись над ним и играли с принцем, словно со щенком.

Заброшенный всеми Кардан редко надевал на себя какую-нибудь одежду, заменяя ее цветочными гирляндами, а в того, кто посмел приблизиться к нему, не раздумывая швырял камнями. Единственной, кто имел хоть какую-то власть над ним, была мать, однако она не только не пыталась образумить или сдержать Кардана, но, напротив, потакала ему.

– Ты принц, – твердо повторяла она, когда Кардан пытался избежать какого-нибудь конфликта или стеснялся потребовать что-либо. – Ты принц, и все вокруг твое. Тебе остается лишь взять то, что ты хочешь. – А иногда даже настаивала: – Я хочу, чтобы ты сделал это для меня.

Принято считать, что дети фейри не похожи на смертных детей. Говорят, что им требуется гораздо меньше любви и заботы. Их не нужно укладывать спать, они и сами прекрасно могут заснуть, причем даже не в своей кроватке, а приткнувшись где-нибудь в холодном уголке бального зала, завернувшись в сдернутую со стола скатерть. Детей фейри не нужно кормить, они сами напьются росы, сами украдут с кухни хлеба и сливок. Их не нужно утешать и успокаивать, потому что дети фейри очень редко плачут.

Но хотя без любви дети фейри вполне обходятся, то вот без советчика принцам фейри никак не обойтись.

Такого наставника у Кардана не было, а его собственной мудрости не хватило, чтобы отказаться, когда старший брат предложил ему на спор сбить стрелой грецкий орех с головы смертного. Кардан был весьма вспыльчивым и безрассудным.

– Меткая стрельба всегда производит хорошее впечатление на нашего отца, – с дразнящей ухмылкой заметил принц Дайн. – Но, может быть, это задание слишком сложно для тебя? Тогда не берись. Лучше вообще не пытаться сделать что-либо, чем попробовать и потерпеть неудачу.

Кардану, который страстно хотел, но никогда не мог привлечь к себе внимание отца, предложение старшего брата показалось очень заманчивым. Он не стал утруждать себя вопросами о том, кто этот смертный и каким образом оказался он при дворе. Разумеется, он и не подозревал, что этот человек был возлюбленным Вал Морена и что сенешаль сойдет с ума от горя, если тот умрет.

А это, в свою очередь, укрепит позиции принца Дайна, позволит ему стать правой рукой Верховного короля вместо Вал Морена.

– Слишком сложно? Лучше не пытаться? Так говорят только трусы! – с мальчишеской бравадой заявил Кардан. По правде сказать, он побаивался своего брата, но это делало его только еще более безрассудным.

– Ну что ж, – улыбнулся принц Дайн. – Тогда давай хотя бы стрелами поменяемся, что ли. В таком случае, если ты промахнешься, то всегда сможешь сказать, что это моя стрела в цель не попала.

Принцу Кардану с подозрением следовало бы отнестись к такой невероятной щедрости своего брата, но слишком мал был еще его жизненный опыт, чтобы избегать подобных ловушек.

Кардан отдал брату свою стрелу, вложил в тетиву хвостовик стрелы Дайна, натянул лук, прицелился в грецкий орех. И тут его охватило дурное предчувствие, он отчетливо понял, что скорее всего промахнется, а значит, может ранить человека или даже убить. И тут же новая мысль посетила принца. С мрачным ликованием он представил, как будет удивлен его отец, узнав о том, что Кардан совершил нечто действительно ужасное. Что ж, если он не может привлечь к себе внимание Верховного короля чем-то хорошим, значит, нужно совершить что-нибудь по-настоящему плохое.

Рука Кардана дрогнула.

Смертный не моргая смотрел на него своими влажными глазами, в глубине которых – застыл ужас. Само собой, этот человек был под действием чар. Эта мысль оказалась решающей.

Кардан через силу рассмеялся, ослабил лук и вытащил стрелу из тетивы.

– Нет, я не стану стрелять в таких условиях, – сказал он, чувствуя себя нелепо от того, что пошел на попятную. – Ветер дует с севера и ворошит мне волосы. Они мешают мне прицеливаться.

Тогда принц Дайн поднял свой лук и выпустил взятую у Кардана стрелу. Она насквозь пробила горло смертного, который, не издав ни звука, повалился на спину и замер, уставившись в небо все еще открытыми, но ничего уже не видящими глазами.

Все произошло так стремительно, что Кардан не вскрикнул, даже не вздрогнул. Просто стоял и смотрел на своего брата, постепенно понимая, в какую ужасную ситуацию он угодил, поменявшись с ним стрелами.

– М-да, – с довольной улыбочкой произнес Дайн. – Незадача. Похоже, это твоя стрела не туда попала. Что ж, пожалуйся нашему отцу на ветер, который помешал тебе прицелиться.

Как бы потом ни протестовал принц Кардан, никто ему не поверил. Об этом позаботился Дайн, усердно распускавший слухи о невероятной жестокости юного принца, его высокомерии, о его убившей смертного стреле. Верховный король Кардана даже выслушать не пожелал, не удостоив аудиенции.

Несмотря на все требования Вал Морена по всей строгости наказать убийцу, Кардан за гибель смертного понес именно такое наказание, какое предусмотрено в подобных случаях для принцев. Верховный король приговорил Кардана к заключению в Башне забвения, которое вместо него должна была отбывать его мать. Пожалуй, сам Элдред был рад возможности вынести такой приговор, потому что устал к этому времени от леди Аши. Ну а заботу о принце Кардане взял на себя самый старший и самый жестокий из его братьев, Балекин. Кстати говоря, он оказался еще и единственным из них, кто согласился взвалить на себя эту ношу.

Вот так была создана репутация принца Кардана, и ему не оставалось ничего иного, как только ее подтверждать.

Глава 1

Я, Джуд Дуарте, Верховная королева Эльфхейма, провожу бо?льшую часть времени по утрам перед телевизором. Клюю носом, наблюдая за конкурсами кулинаров, смотрю мультяшки и повторы дурацких шоу, участники которых должны первыми добраться до финиша, прорезая себе путь сквозь картонные коробки, разбивая бутылки и потроша рыб. Днем я учу своего брата Оука – если он позволяет, конечно. По ночам выполняю некоторые поручения местных фейри.

Свою голову я держу опущенной – вероятно, так мне следовало бы вести себя с самого начала. И хотя я проклинаю Кардана, но должна в первую очередь винить себя за то, что была идиоткой и добровольно оказалась в ловушке, которую он для меня приготовил.

В детстве я любила представлять свое возвращение в мир смертных. Вспоминала вместе с Тарин и Виви запахи свежескошенной травы и бензина, игры в пятнашки на соседских дворах и плескание в хлорированной воде летних бассейнов. Я мечтала о чае со льдом и растворимом апельсиновом соке. Тосковала по самым обыденным вещам вроде запаха горячего асфальта, по протянутым между уличными фонарями проводам, по музыке из рекламных роликов.

Но теперь, застряв навсегда в мире смертных, я с новой силой тоскую по Фейриленду. Тоскую по магии, мечтаю о ней. Возможно, тоскую даже о том, чтобы вновь жить в страхе. Жалею о том, что никогда уже больше не вернутся мои прежние, беспокойные дни.

Я барабаню пальцами по крашеному деревянному столу для пикников. Стоит ранняя осень, в штате Мэн уже стало прохладно. Лучи предвечернего солнца играют в траве перед нашим жилым комплексом, а я наблюдаю за тем, как Оук играет вместе с другими детьми в узеньком перелеске между местом, где я сижу, и шоссе. Это дети из наших домов, некоторые чуть младше, другие чуть старше восьми лет – все они высадились из одного желтого школьного автобуса и сейчас играют в войну. Гоняются друг за другом, дерутся на палках, звонко смеются, когда у кого-нибудь из них в самый разгар боя она ломается. Невольно отмечаю, до чего неуклюже они обращаются с палками, – совершенно не умеют фехтовать.

Продолжаю наблюдать и внезапно замечаю, что Оук использует гламур.

Я думаю, что делает он это неосознанно. Оук подкрадывается к другим ребятам, но впереди открытое пространство, на котором негде укрыться. Тем не менее Оук идет вперед, идет совершенно на виду, но при этом его никто не замечает.

Оук подбирается все ближе, но другие мальчишки по-прежнему даже не смотрят в его сторону. Наконец, он набрасывается на них со своей палкой, и для них это становится сюрпризом.

На какое-то время Оук сделал себя невидимым. Я и сама поняла это только тогда, когда это было уже сделано. Другие мальчишки вообще ничего не поняли и наверняка подумали, что Оук их обхитрил. Или что ему просто повезло. О том, что на самом деле сделал мой младший брат, знаю только я.

Дожидаюсь, пока вся ватага разойдется по своим домам. Мальчишки уходят один за другим, и вскоре Оук остается один. Мне самой магия не нужна, мне даже шуршащие листья под ногами не мешают подкрасться к нему. Одним стремительным движением я обхватываю Оука за шею и сжимаю ему горло – довольно сильно, чтобы он хорошенько испугался. Оук сопротивляется, ему почти удается ударить меня в подбородок своими рожками. Что ж, неплохо. Он старается разорвать мою хватку, однако делает это вполсилы. Значит, понял, что это я, а меня он не боится.

Я еще крепче сжимаю его. Еще немного, и Оук вырубится.

Он пытается что-то сказать и начинает задыхаться. Тут он забывает все мои прежние уроки и начинает извиваться, царапает мне руки, пинается. Я чувствую себя ужасно, потому что хотела лишь слегка напугать его – ровно настолько, чтобы он начал давать отпор. Но мне совершенно не нужно, чтобы Оук впадал в панику.

Я отпускаю его, и Оук отскакивает в сторону.

– За что? – задыхаясь, спрашивает он, укоризненно глядя на меня своими влажными от слез глазами.

– Чтобы напомнить тебе о том, что бой – это не игра, – говорю я, и мне кажется, будто я произношу эти слова не своим голосом, а голосом Мадока. Я не хочу, чтобы Оук рос таким же, как я – обиженным и пугливым. Я хочу, чтобы он умел выживать, а тому, как это делается, научил меня Мадок.

Но как мне правильно выбрать, чему учить его, когда у меня за спиной только мое собственное изуродованное детство? Возможно, многие вещи я оцениваю совершенно неправильно.

– Что ты собираешься делать против соперника, который действительно захочет причинить тебе вред? – спрашиваю я.

– Не знаю, мне все равно, – отвечает Оук. – Меня эта ерунда не волнует. Я не хочу быть королем. Я совсем не хочу им быть.

Какое-то время я просто молча смотрю на него. Очень хочется поверить в то, что он лжет, но это, разумеется, не так. Оук – фейри, а фейри лгать не способны.

– Мы не всегда имеем возможность выбирать свою судьбу, – замечаю я.

– Ты можешь, потому что королева, – говорит он. – А я не хочу этого делать. Никогда.

Стискиваю зубы, чтобы не взвыть.

– Нет, не могу, потому что я королева в изгнании, – напоминаю ему.

– Я тоже! – Он бьет в землю своим копытцем. – В мире смертных я нахожусь только потому, что мой отец хочет завладеть этой дурацкой короной, и ты тоже этого хочешь, и каждый хочет. А я не хочу. Она про?клята, эта корона.

– Любая власть про?клята, – отвечаю я. – Самые плохие из нас сделают все, чтобы ее заполучить. А те, кто лучше остальных умеет обращаться с властью, не хотят, чтобы им навязывали ее силой. Но пойми, это не означает, что они смогут вечно избегать ответственности, которая лежит на них.

– Тебе не сделать меня Верховным королем, – говорит Оук, а затем поворачивается и бежит в сторону нашего дома.

Я же сажусь на холодную землю, сознавая, что полностью провалила этот разговор. Да, Мадок обучал Тарин и меня гораздо лучше, чем я обучаю Оука. Пытаюсь обучать. А еще понимаю, какой самонадеянной и глупой была, когда возомнила, что смогу держать под своим контролем Кардана.

В великой игре принцев и королев я оказалась пешкой, которую смахнули с доски.

* * *

Войдя в квартиру, Оук плотно прикрывает за собой дверь своей комнаты. Вивьен, моя старшая сестра-фейри, стоит возле кухонного стола и широко улыбается, глядя в свой телефон.

Заметив, что я пришла, она хватает меня за руки и начинает кружить, кружить до тех пор, пока у меня не начинают подкашиваться ноги.

– Хизер снова любит меня, – звенящим от радости голосом сообщает она.

Хизер – это земная подружка Виви, ее любимая девушка. Хизер мирилась с отговорками Виви, когда та пыталась скрыть свое прошлое. Согласилась даже на то, чтобы вместе с ними поселился Оук. Но когда Хизер узнала о том, что Виви не человек, и что Виви использовала против нее чары, она бросила все и уехала. Мне крайне неприятно говорить об этом, потому что я хочу, чтобы моя сестра была счастлива. Хизер действительно делала ее счастливой – и, по-моему, Виви вполне заслуживала такого подарка.

Я отстраняюсь, моргаю и растерянно спрашиваю:

– Что там?

– Она мне написала, – сообщает Виви, помахивая телефоном. – Она хочет вернуться. И чтобы все между нами снова стало так же, как прежде.

Опавшие листья назад к веткам не прирастают, расколотые орехи не становятся целыми, а очарованные в прошлом подруги просто так не решают вернуть все на круги своя.

– Дай взглянуть, – говорю я, протягивая руку к телефону. Виви позволяет мне забрать его у нее.

Я пролистываю их переписку. Большинство сообщений – исходящие от Виви, они полны извинений, необдуманных обещаний и отчаянных просьб. В ответ от Хизер практически ничего, лишь изредка сухое: «Мне нужно еще время подумать».

А затем вдруг вот это.

«Я хочу забыть про фейри. Я хочу забыть о том, что ты и Оук – не люди. Я не хочу больше чувствовать себя так, как чувствую сейчас. Если я попрошу тебя помочь мне забыть обо всем, ты это сделаешь для меня?»

Я долго смотрю на текст, тяжело переводя дыхание.

Я понимаю, почему Виви восприняла это сообщение именно так, а не иначе. Но я думаю, что она неправильно его поняла. Если бы это сообщение писала я, то меньше всего мне бы хотелось, чтобы Виви согласилась на мое предложение. Мне было бы нужно другое. Мне было бы нужно, чтобы Виви заверила меня, что, хотя они с Оуком не люди, они по-прежнему меня любят. Я хотела бы услышать от нее, что попытка забыть про фейри ни к чему хорошему не приведет. Я хотела бы услышать от Виви, что она совершила ошибку и понимает это и никогда, несмотря ни на что, не повторит ее.

Если бы я отсылала это сообщение, то считала бы его тестом.

– Что ты собираешься ей ответить? – спрашиваю я, возвращая сестре телефон.

– Что сделаю все, чего она пожелает, – отвечает Виви. Рискованная клятва даже для смертного и совсем уж чудовищная для того, кто по своей природе не способен не выполнить данного обещания.

– Быть может, она сама не знает, чего ей хочется, – замечаю я. Я лукавлю. Но Виви моя сестра, а Хизер человек, и при этом я кое-чем обязана им обеим.

Но в данный момент Виви не интересует ничего, кроме одного – сделать так, чтобы все опять стало хорошо. Она широко, радостно улыбается мне, берет из вазы яблоко и спрашивает, подбрасывая его в воздух и снова ловя в ладонь:

– А что с Оуком? Он влетел домой как бешеный и тут же захлопнул дверь в свою комнату. Если он сейчас так себя ведет, то что же с ним будет происходить позднее, в переходном возрасте?

– Он не хочет быть Верховным королем, – говорю я.

– Ах, в этом дело, – бросает Виви взгляд в сторону комнаты Оука. – А я уж подумала, не случилось ли что-нибудь серьезное.

Глава 2

Сегодня вечером я с удовольствием отправляюсь на работу.

В мире смертных у фейри совсем иные потребности и интересы, чем в Эльфхейме. Здесь, на окраинах Фейриленда, они живут уединенно, и их не заботят ни балы, ни пирушки, ни придворные интриги.

Но при этом, как выяснилось, у них имеется масса работы для таких, как я, смертных, знающих образ жизни фейри и не избегающих случайных стычек. Брайерна я встретила спустя неделю после того, как покинула Эльфхейм. Он появился неподалеку от нашего жилого комплекса – обросший черным мехом, с козлиной головой и копытами фейри, со шляпой-котелком на голове, и представился мне как старинный друг Таракана.

– Я понимаю уникальность вашего положения, – сказал он, глядя на меня своими странными золотистыми козлиными глазами с черной вертикальной черточкой зрачка. – Вы объявлены умершей, верно? Значит, у вас ни номера социальной страховки нет, ни возможности получить образование в мире смертных.

– А еще я ищу работу, – добавила я, прикидывая про себя, откуда он мог появиться. – Неофициальную, без оформления.

– В таком случае вы обратились как раз по адресу, – заверил он, приложив к своему сердцу когтистую ладонь. – Позвольте представиться. Брайерн. Пука, если вы еще не догадались.

Он не потребовал от меня ни клятв в верности, ни прочих формальностей. С тех пор я получила возможность работать столько, сколько захочу, и получать оплату, вполне соразмерную с моей смелостью.

Сегодня мы встречаемся с ним у воды, куда я отправляюсь на купленном мной подержанном велосипеде. По дороге очень скоро сдувается шина на заднем колесе – впрочем, чего еще можно ожидать от такой дешевки! С грехом пополам приезжаю на место. Брайерн, как всегда, одет довольно нелепо – криво сидящая на его козлиной голове шляпа украшена яркими, аляповатыми утиными перьями и никак не сочетается с твидовым пиджаком. Когда я подъезжаю ближе, он вытаскивает из кармана часы, смотрит на них и преувеличенно хмурится.

– О, я опоздала? – спрашиваю я. – Прости. Вообще-то я привыкла определять время по наклону лунного луча.

– Не стоит подчеркивать, что ты когда-то жила при дворе, где измеряют время по лунному лучу. Сейчас ты никто.

«Но я Верховная королева Эльфхейма», – проносится у меня в голове, однако я прикусываю изнутри щеку, чтобы не произнести эту глупость вслух. Дело в том, что Брайерн прав: сейчас я никто.

– Что за работа? – спокойно спрашиваю я.

– Одна из народа в Старом порту ела местных. У меня есть контракт для того, кто выбьет из нее обещание больше не делать этого.

Мне сложно поверить в то, что Брайерну или кому-то еще из фейри настолько есть дело до съеденных фейри-каннибалом людей, что они готовы заплатить за то, чтобы я уладила это дело.

– Она ела местных смертных? – уточняю я.

– Нет, – трясет головой Брайерн. – Нет. Наших. Народ.

Тут он, очевидно, вспоминает о том, с кем он сейчас разговаривает, и конфузится. Я принимаю его смущение за комплимент.

Убивает и ест народ? То есть своих? Заранее понятно, что работа предстоит не из легких.

– Кто платит? – спрашиваю я.

– Тот, кто не хочет, чтобы его имя было как-то связано с этим делом, – с нервным смешком отвечает Брайерн. – Но они готовы щедро вознаградить тебя.

Одна из главных причин, по которым Брайерн любит нанимать на работу именно меня, заключается в том, что я могу спокойно приближаться к народу. Они никак не ожидают, что смертная может оказаться той, кто ограбит их или воткнет ножик в бок. И тем более они не ожидают, что эта смертная не поддается чарам и достаточно хорошо знает уловки фейри, чтобы раскусить обман при заключении сделки.

Вторая причина состоит в том, что мне очень нужны деньги, и потому я берусь за подобную работу, даже если она с самого начала вызывает у меня отвращение.

– Адрес? – спрашиваю я, и Брайерн протягивает мне сложенный листок бумаги. Открываю его, бросаю беглый взгляд и говорю: – Это стоит хороших денег.

– Пятьсот американских долларов, – отвечает он с таким видом, будто это невесть какая огромная сумма. Астрономическая просто.

Арендная плата за нашу квартиру составляет тысячу двести долларов в месяц, не считая расходов на еду и коммунальные услуги. После того как от нас съехала Хизер, моя доля составляет около восьми сотен. А мне же еще новую шину для своего велосипеда покупать нужно. Нет, пятьсот долларов – это мало, тем более за такое щекотливое дельце.

– Тысяча пятьсот, – объявляю я, поднимая брови. – Наличными, проверенными железом. Половину вперед, а вторую половину, если я не вернусь, отдашь Вивьен как помощь моей семье, пережившей тяжелую утрату.

Брайерн поджимает губы, но я-то знаю, что деньги у него есть. Просто он не хочет мне платить слишком много – боится, что я стану разборчивой в отношении работы.

– Тысяча, – отвечает он и лезет во внутренний карман своего твидового пиджака, чтобы вытащить из него пачку банкнот, перехваченных серебряной скрепкой. – Вот, смотри, у меня как раз сейчас при себе половина. Можешь забрать.

– Хорошо, – соглашаюсь я. Тысяча баксов – вполне приемлемая плата за работу, которую можно выполнить за одну ночь. Если мне повезет, конечно.

– Дай знать, когда закончишь, – шмыгает носом Брайерн, протягивая мне деньги.

У меня на кольце для ключей висит железный брелок. Я демонстративно проверяю им каждую банкноту, чтобы убедиться в том, что деньги настоящие. Никогда не лишне напомнить Брайерну о том, что я начеку.

– Плюс еще пятьдесят долларов на текущие расходы, – поддавшись неожиданному порыву, добавляю я.

Брайерн хмурится, затем лезет в другой карман и вытаскивает оттуда дополнительные деньги.

– Сделай все как надо, – говорит он.

То, что он так легко соглашается на мои требования, – дурной знак. Вероятно, мне следовало бы задать больше вопросов, прежде чем браться за это дело. И дольше торговаться.

Но теперь уже поздно.

Я снова сажусь на велосипед, машу Брайерну на прощание и трогаюсь в сторону центра города. Когда-то я представляла себя рыцарем верхом на коне, одерживала в мечтах славные победы в состязаниях и битвах. Очень жаль, что мои таланты нашли теперь свое применение в делах, не имеющих ничего общего с рыцарской честью.

Готова согласиться в том, что я достаточно умелый киллер, однако по-настоящему виртуозно я умею действовать на нервы и доставать до печенок. Хочу надеяться на то, что это поможет мне уговорить фейри-людоедку сделать все так, как я хочу.

Но прежде чем отправиться на встречу с ней, я решаю поспрашивать вокруг.

Первым мне попадается хоб по имени Сорока, который живет на дереве в Дубовом парке в Диринге. Он говорит, будто слышал, что она «красная шапка». Ну, для меня это не такая уж сногсшибательная новость. Я выросла в семье, где такой «красной шапкой» был мой отчим, так что я отлично знаю их натуру.

«Красные шапки» постоянно и страстно желают насилия, жестокости и крови. Жаждут убивать. Лишенные на достаточно долгое время возможности делать это, они начинают нервничать. Если такой монстр следует традициям, у него должна быть шапка, которую он регулярно смачивает кровью своих убитых врагов, – считается, что вместе с кровью шапка впитывает в себя часть жизненной силы убитого.

Я спрашиваю имя, но Сорока его не знает. Он посылает меня к Ладхару, клурикону, который отирается в дальних углах баров, слизывает – когда этого никто не видит – пену с пивных кружек и обманывает смертных в азартных играх.

– А ты не знаешь? – говорит Ладхар, понизив голос. – Грима Мог.

Я едва не заявляю, что он лжет, хотя понимаю, что лгать Ладхар просто не может. Затем у меня в голове мелькает картинка – я трясу Брайерна, вышибаю из него дух за каждый заплаченный им проклятый доллар.

– Но какого черта она здесь делает?

Грима Мог – это ужасный генерал Двора Зубов, что на севере Фейриленда. Того самого двора, откуда бежали Таракан и Бомба. Когда я была маленькой, Мадок читал мне на ночь мемуары о боевых операциях Гримы Мог. При одной мысли о том, чтобы столкнуться с ней нос к носу, я покрываюсь холодным потом.

Победить Гриму я не смогу. И не думаю, что у меня есть хоть один шанс ее перехитрить.

– Я слышал, ее уволили и прогнали со Двора, – говорит Ладхар. – Возможно, она съела кого-то, кого любила леди Ноури.

«Я не обязана выполнять эту работу», – напоминаю я самой себе. Я больше не принадлежу Двору Теней Дайна. Я больше не пытаюсь оставаться теневой правительницей за троном Верховного короля Кардана. Мне не нужно идти на этот огромный, чудовищный риск.

Однако я любопытна.

И любопытство в сочетании с непомерной уязвленной гордыней приводят меня на заре к порогу склада, где обитает Грима Мог. Я знаю, что с пустыми руками в гости не ходят, поэтому несу с собой купленное в мясном магазине сырое мясо в пластиковом контейнере-кулере, несколько небрежно сделанных и завернутых в фольгу сэндвичей с медом и бутылку приличного кислого пива.

Войдя внутрь, я какое-то время брожу по складскому залу, пока не нахожу дверь, которая, по всей видимости, должна вести в жилые комнаты. Стучу три раза, надеясь, что запах еды, быть может, перекроет запах моего страха.

Дверь открывается, и на пороге появляется женщина в домашнем халате.

– Что вам угодно, моя дорогая? – спрашивает она, тяжело опираясь на трость из полированного черного дерева.

Обладая способностью видеть сквозь наведенный гламур, я замечаю зеленоватый оттенок ее кожи и очень крупные и острые зубы. Такие же, как у моего приемного отца Мадока. Обладателя красного берета, который убил моих родителей. Того, кто читал мне на ночь о боевых операциях Гримы Мог. Мадок…

Некогда он был Главным генералом Верховного двора. Теперь он враг престола и мой личный враг.

Надеюсь, они с Верховным королем Карданом сумеют покончить друг с другом.

– Я принесла вам подарок, – говорю я, протягивая кулер. – Можно мне войти? Я хочу заключить с вами сделку.

Она слегка хмурится.

– Вы сами понимаете, что не можете продолжать есть народ. Вот меня к вам и прислали, чтобы я попробовала убедить вас остановиться, – говорю я.

– Возможно, я съем тебя, милое дитя, – с улыбкой парирует она и отступает в сторону, пропуская меня в свое логово. Понимаю это так, что в прихожей она готовить из меня еду не собирается.

Квартира выдержана в стиле лофт, как и многие переделанные под жилье производственные помещения. Потолки высокие, стены кирпичные. Очень мило. Полы покрыты лаком, сверкают. Большие окна пропускают достаточно много света, и из них открывается очень неплохой вид на город. Мебель старая. Обивка кое-где порвана, видны следы, которые могли остаться от случайного пореза ножом.

Все это место пропахло кровью. Металлический медный запах с приторным, сладковатым привкусом. Тошнотворный запах. Я кладу свои подарки на тяжелую деревянную столешницу и говорю:

– Это вам. В надежде, что вы простите меня за то, что я вот так без приглашения явилась к вам.

Она нюхает мясо, вертит в руке сэндвич с медом, свинчивает крышечку с пивной бутылки. Делает большой, долгий глоток, после чего говорит, разглядывая меня:

– Кто-то проинструктировал тебя насчет всех тонкостей. Удивляюсь, зачем им понадобилось так беспокоиться, козочка ты моя. Тебя же явно прислали в жертву мне, в надежде, что я смогу утолить свой голод плотью смертного. – Она

улыбается, демонстрируя свои зубы. Возможно, прибегает в этот момент к гламуру, но поскольку я невосприимчива к чарам, точно сказать этого не могу.

Я моргаю, глядя на нее. Она моргает в ответ, явно ожидая моей реакции.

Но я не кричу и не бросаюсь к двери, и это начинает ее раздражать. Я точно знаю, что она с нетерпением ждала того момента, когда сможет броситься за мной вдогонку.

– Вы Грима Мог, – говорю я. – Полководец. Гроза врагов. Вы действительно вот так собираетесь доживать на пенсии?

– На пенсии? – переспрашивает она таким тоном, будто я только что нанесла ей величайшее оскорбление. Или пощечину дала. – Хотя меня и отправили в отставку, но я найду другую армию, которую смогу возглавить. И эта армия будет больше и мощнее предыдущей.

Иногда что-то подобное я говорю самой себе, но те же слова, произнесенные вслух кем-то другим, ужасно режут ухо. Однако наталкивают при этом на мысль.

– Ну, местному народу не хочется, конечно, чтобы вы его ели, пока обдумываете свои планы на будущее. Точно так же, как мне, смертной, не хочется, чтобы вы ели смертных. К тому же я сильно сомневаюсь, что они могут дать вам то, чего вы ищете.

Она молчит, ждет продолжения.

– Вызов, сопротивление, адреналин, – говорю я, вспоминая все, что мне известно о красных шапках. – Вот чего вы ждете – хорошего боя, верно? Бьюсь об заклад, что народ, который вы убивали, не мог предложить ничего особенного в этом смысле. Это была пустая трата ваших талантов. Рутина.

– Кто тебя послал? – спрашивает она, наконец. Заново оцениваю ситуацию. Пытаюсь уточнить линию своего поведения.

– Что вы сделали, чтобы настолько вывести ее из себя? – спрашиваю я. – Свою королеву? Нужно было очень постараться, чтобы вас с таким треском

вышвырнули из Двора Зубов.

– Кто тебя послал? – ревет она. Ага, я задела ее за живое. Что ж, это, пожалуй, мой лучший навык.

Стараюсь не улыбаться, но, оказывается, я сама очень стосковалась по тому приливу сил, который ощущаешь, начиная вести вот такие игры, замешанные на стратегии и хитрости. Стыдно признаться, но я соскучилась по возможности рискнуть своей шеей. Все мои мысли теперь только о том, как победить, а для сожалений и прочей романтической шелухи просто не остается места. Победить. Или как минимум не умереть.

– Я вам уже сказала. Местный народ не хочет, чтобы вы его ели.

– Но почему ты? – спрашивает она. – Почему они послали ко мне хлипкую девчонку, чтобы она попыталась в чем-то убедить меня?

Оглядываясь вокруг, я замечаю стоящую на холодильнике круглую коробку. Старомодную шляпную коробку. Она, как магнит, притягивает к себе мой взгляд.

– Возможно, потому, что им такую, как я, и потерять не жалко, – отвечаю я.

На это Грима Мог смеется и делает еще один глоток кислого пива.

– Фаталистка, значит. Ну и как ты собираешься меня уговаривать?

Я подхожу к столу, беру принесенную в подарок еду – мне нужен предлог, чтобы ближе подобраться к этой шляпной коробке.

– Прежде всего давайте уберем в холодильник продукты, чтобы не испортились.

– Полагаю, что такая старая леди, как я, может позволить себе использовать молодую девчонку для нескольких поручений по дому, – усмехается Грима Мог, усаживаясь в кресло. Ее развлекает то, что сейчас происходит. – Давай, только будь осторожна. В моем холодильнике ты можешь найти нечто гораздо большее, чем ожидала, козочка.

Я открываю дверцу холодильника. Меня приветствуют останки тех, кого она убила. Здесь хранятся руки и головы – обжаренные, сваренные, сложенные наподобие остатков – после большого праздничного ужина. Мой желудок сжимается и хочет вывернуться наизнанку.

– Ты, кажется, собиралась бросить мне вызов? На дуэль вызвать? – По ее лицу расплывается кривая, злобная улыбка. – Хотела похвастать тем, как хорошо умеешь драться? Ну, видишь теперь, что ждет того, кто проигрывает поединок Гриме Мог?

Я делаю глубокий вдох. Подпрыгиваю и сбиваю шляпную коробку с верхней стенки холодильника.

– Не смей ее трогать! – кричит Грима, вскакивая на ноги, но я еще раньше успеваю содрать с коробки крышку.

Вот она, шапка. Блестит, как лакированная, от многочисленных, покрывающих ее слоев засохшей крови

Грима Мог уже на полпути ко мне, спешит, скаля свои зубы. Я выхватываю из своего кармана зажигалку, щелкаю кнопку большим пальцем, и загорается язычок пламени. Увидев его, Грима застывает на месте как вкопанная.

– Я знаю, что вы много лет пропитывали шапку кровью, – говорю я, надеясь на то, что моя рука не будет дрожать, а язычок пламени не погаснет. – Возможно, на ней сохранилась даже кровь самой первой вашей жертвы. И последней тоже. Не будет этой шапки – не останется и памяти о былых сражениях, победах, трофеях. Ничего не останется. А теперь вам придется заключить со мной сделку. Поклянитесь, что больше никого не убьете, ни людей, ни народа. Не убьете до тех пор, пока не покинете мир смертных. А если…

– А если я скажу «нет», ты сожжешь мое сокровище, – заканчивает за меня Грима Мог. – Нечестно.

– Вероятно, я должна была предложить вам дуэль, но поединок я скорее всего проиграла бы, – говорю я. – А так я выиграла.

– Ты ведь смертная дочь Мадока, не так ли? – спрашивает Грима Мог, тыча в мою сторону концом своей трости. – А еще сенешаль нашего нового Верховного короля. И тебя тоже вышвырнули, как и меня.

Я киваю, смущенная тем, что меня узнали.

– Ну а ты что натворила? – с довольной ухмылкой интересуется она. – Наверняка что-то совсем не маленькое.

– Глупость сморозила, – вынуждена признать я. – Упустила синицу в руках ради журавля в небе.

Грима громко, раскатисто смеется, потом говорит:

– Ну что, разве мы с тобой не пара, дочь красной шапки? Но, видишь ли, убийство у меня в крови, я пропитана им до мозга костей. Нет, я не собираюсь отказываться убивать. Если уж мне суждено надолго застрять в мире смертных, то должна же я иметь хоть какое-то развлечение?

Я подношу язычок пламени ближе к шапке. Ее нижний край начинает темнеть, наполняя воздух ужасной вонью.

– Остановись! – кричит Грима, с нескрываемой ненавистью глядя на меня. – Хватит. Позволь теперь я сделаю тебе предложение, козочка. Мы с тобой проведем спарринг. Если проиграешь, моя шапка вернется ко мне в целости и сохранности, а я продолжу, как и прежде, свою охоту. А еще ты отдашь мне свой пальчик. Мизинчик.

– Чтобы съесть его? – интересуюсь я, отводя от шапки язычок пламени.

– Это уж как мне захочется, – парирует она. – Может, съем, может, носить буду, как брошь. Тебе-то какое дело до этого? Мой палец, что хочу, то с ним и делаю.

– И почему я должна соглашаться на это? С какой стати?

– А потому, моя козочка, что если победишь, то получишь мое обещание больше не убивать. А кроме того, я расскажу тебе кое-что очень важное о твоем

Верховном короле.

– Я ничего знать о нем не хочу, – отвечаю я. Слишком поспешно и слишком сердито. Никак не ожидала, что она впутает в это дело Кардана.

– Маленькая лгунья, – смеется она.

Затем мы долго молчим, пристально глядя друг на друга. Взгляд Гримы Мог кажется дружелюбным и довольным. Разумеется, она понимает, что я приму любые ее условия. И я тоже это знаю, хотя надеяться мне совершенно не на что. Она – легенда. Не вижу ни единого шанса победить ее на дуэли.

Но имя Кардана грохочет у меня в ушах.

Интересно, у него уже появился новый сенешаль? А новая любовница? Собирается ли он сам присутствовать на заседаниях Совета? А обо мне он когда-нибудь что-нибудь говорит? Или злорадно насмехается надо мной на пару с Локком? А Тарин смеется вместе с ними?

– Поединок до первой крови, – говорю я, выбрасывая из головы все посторонние мысли. Как приятно, когда есть на ком сосредоточить весь свой гнев. Очень помогает. – Теперь условия. Первое. Свой палец я вам не отдам. Если выиграете – получаете назад свою шапку, а я ухожу отсюда. Точка. Я и так делаю в принципе большую уступку, соглашаясь сразиться с вами.

– До первой крови – это скучно, – хищно наклоняется вперед Грима Мог. – Давай лучше до первого крика. Закончим где-то между простым кровопролитием и мясорубкой, чтобы проигравшая не ушла на ногах, а уползла домой, чтобы сдохнуть по дороге. – Она радостно улыбается и облизывает губы. – Дай мне шанс переломать все косточки в твоем тщедушном тельце.

– На мою гордыню ставку делаете? – спрашиваю я, засовывая красную шапку в один карман, а зажигалку в другой.

– Но я же не ошиблась при этом? – не думает отрицать она.

Поединок до первой крови – это действительно скукота. Соперники долго-долго танцуют вокруг да около, выжидая, пока кто-нибудь из них на секунду раскроется. Да, я согласна, это ненастоящий бой, и быстро отвечаю:

– Да.

– Хорошо. – Она поднимает свою трость, указывает ее кончиком на потолок и говорит: – Пойдем на крышу.

– Ладно, пойдем, – соглашаюсь я. – Это очень благородно и романтично – драться на крыше.

– Жаль, ты не догадалась прихватить с собой оружие. Я-то ведь тебе ничего не дам, – тяжело вздыхает Грима Мог и направляется к двери шаркающей походкой старухи, какой она пытается выглядеть с помощью гламура.

Следом за ней из квартиры выхожу я, пересекаю полутемный зал склада, дальше поднимаюсь по совсем уже не освещенной лестнице. Нервы у меня напряжены. Надеюсь, я знаю, что делаю. Хочу на это надеяться. Грима Мог нетерпеливо спешит наверх, перескакивая сразу через две ступеньки, с грохотом распахивает обитую железом дверь, ведущую на крышу. Слышу змеиное шипение, с которым из трости Гримы выползает узкий стальной клинок. Грима Мог оборачивается ко мне и широко улыбается, показывая свои острые зубы.

Я выхватываю спрятанный у меня в сапоге длинный нож. Не бог весть что, но я не умею наводить чары, а потому не могу разъезжать на велосипеде с Закатом за спиной.

Выхожу на асфальтированную крышу здания. На востоке начинает вставать солнце, подкрашивает небо своими первыми лучами в розовые и золотистые тона. Дует холодный утренний ветерок, принося с собой запахи бетона и мусорных баков, к которым примешивается нотка золотарника из соседнего парка.

От нетерпения и страха мое сердце колотится все быстрее, и, когда Грима Мог поворачивается ко мне, я уже готова. Она делает выпад, я его парирую. Еще. И еще. И еще раз. Это начинает раздражать ее, и она рычит мне:

– Ты обещала бросить мне вызов, где же он?

Тем временем я уже начинаю понимать ее манеру ведения боя. Знаю, что Грима жаждет насилия, жаждет крови. Я знаю, что она привыкла к легким победам, и надеюсь, что это делает ее излишне самоуверенной. Возможно, столкнувшись с тем, кто может дать отпор, она станет допускать ошибки.

Не обязательно, конечно, но может быть…

Когда Грима начинает новую атаку на меня, я резко разворачиваюсь и сильно бью ее ногой в колено. От этого удара она валится на асфальт, рычит от ярости и боли, моментально вскакивает и молнией бросается на меня. На мгновение передо мной мелькают перекошенное лицо Гримы и ее жуткие зубы.

«Она настоящий монстр!» – кричит мой рассудок.

Я стискиваю зубы, борясь с желанием броситься наутек. Наши клинки снова взлетают в воздух, рыбьей чешуей серебрясь в первых лучах зарождающегося дня. Звук, с которым металл ударяет о металл, напоминает звон колокола. Мы продолжаем фехтовать, танцуя по всей крыше, мои ноги сами знают, что им нужно делать – шаг вперед, шаг назад, шаг в сторону…

У меня на лбу и под мышками начинает выступать пот, в холодном воздухе мое жаркое дыхание повисает облачком.

До чего же хорошо сражаться с кем-то другим, а не с самой собой.

Грима Мог щурит глаза, наблюдает за мной, выискивает мои слабые стороны. Я отчетливо помню все наставления, которые давал мне Мадок, стараюсь не повторять ошибок, от которых пытался избавить меня Призрак. Грима начинает серию жестоких, смертельных ударов, пытаясь загнать меня на край крыши. Я отступаю, делаю все, чтобы оставаться недосягаемой для ее более длинного, чем у меня, клинка. Раньше она держала себя в руках. Теперь она больше не сдерживается.

Грима снова и снова подталкивает меня к краю, за которым открывается пропасть. Я продолжаю драться с мрачной решимостью. Теперь вся я покрыта

потом, его капельки стекают у меня между лопатками и скользят вниз вдоль спины.

Затем я спотыкаюсь ногой о торчащую из покрытой асфальтом крыши металлическую трубу. Теряю равновесие, а Грима бросается вперед. Ее удар я парирую, но это стоит мне ножа, который выскальзывает из руки и улетает, чтобы со звоном упасть на улицу.

Мне не следовало браться за это задание. Нельзя было соглашаться на этот поединок. Я ни за что, никогда не должна была соглашаться выйти за Кардана, и тогда меня не изгнали бы в мир смертных.

Гнев придает мне сил, и благодаря им я успеваю увернуться – клинок Гримы со свистом рассекает воздух в сантиметрах от меня. Затем я сильно толкаю локтем ее руку и хватаюсь за рукоять меча.

Это не слишком честно, согласна, но я давно уже забыла про благородство. Грима Мог очень сильна, но и удивлена тоже немало. На мгновение она замирает, а в следующую секунду сильно бьет меня лбом в лоб. В глазах у меня темнеет, но мне почти удалось завладеть оружием Гримы.

Почти.

– Ты жульничаешь, девочка, – говорит мне она. Мы обе тяжело дышим. Мои легкие словно налиты свинцом.

– Я не рыцарь, – отвечаю я и, словно в подтверждение своих слов, хватаю единственное оружие, которое сейчас попадается мне на глаза, – металлическую трубу. Она тяжелая, гладкая, не имеет мало-мальски острой кромки, но это все, что у меня есть. Во всяком случае, труба как минимум длиннее потерянного мной ножа.

– Тебе пора было сдаться, но ты этого не сделала. Я в восторге, – смеется Грима Мог.

– Я оптимистка, – говорю я, и она вновь на полной скорости бросается на меня, но моя труба удерживает ее на расстоянии. Мы вновь танцуем, кружимся, она

пытается наносить удары, я их парирую, размахивая трубой, как бейсбольной битой. У меня много желаний, но больше всего мне хочется сейчас убраться прочь с этой крыши.

Мои силы на исходе. Труба оказалась слишком тяжелой, и мне все сложнее маневрировать.

«Сдайся, – советует мне мой внутренний голос. – Плюнь на все. Давай же поторопись, пока еще стоишь на ногах. Отдай Гриме ее проклятую шапку, забудь про деньги и ступай домой. Виви из листьев волшебных денег наделает, проживете. И успокойся, ты же не за королевство свое сражаешься. Его ты давно уже проиграла».

Грима Мог приближается ко мне с таким видом, словно чувствует мое отчаяние. Она наносит несколько быстрых ударов, ища бреши в моей защите.

Капли пота стекают со лба, жалят мои – глаза.

Мадок описывал поединок по-разному – сравнивал с сыгранной на большой скорости стратегической игрой, с танцем, но нынешнюю дуэль я ощущаю, скорее всего, как спор, в котором необходимо как можно быстрее найти решающий, неожиданный для противника аргумент. Аргумент, который отвлечет Гриму настолько, что это на какое-то время развяжет мне руки.

И я, похоже, такой неожиданный ход нахожу.

Преодолевая боль в уставших мышцах, я перекладываю трубу в одну руку, а другой рукой вытаскиваю из кармана красную шапку.

– Что ты делаешь? Ты же обещала… – начинает Грима.

Я швыряю шапку ей в лицо. Она хватает ее, на мгновение переключает на нее свое внимание, и в этот момент я изо всех оставшихся сил наношу удар трубой.

Я попадаю Гриме в плечо, и она валится с ног, рыча от боли. Я вновь ударяю ее – на этот раз по вытянутой вверх руке, выбиваю меч Гримы, и он летит, кувыркаясь, куда-то далеко в сторону.

Я снова замахиваюсь трубой.

– Хватит, – хрипит лежащая на крыше Грима Мог, глядя на меня снизу вверх. На лице у нее написано неподдельное изумление. – Я сдаюсь.

– Это правда? – опускаю я занесенную трубу.

– Да, маленькая плутовка, да. Правда, – неохотно цедит она сквозь окровавленные зубы, с трудом пытаясь сесть. – Ты меня переиграла. А теперь помоги мне встать.

Я роняю трубу, приближаюсь, невольно ожидая, что сейчас Грима выхватит откуда-нибудь нож и всадит его мне в бок. Но она лишь протягивает мне руку, и я помогаю ей подняться на ноги. Грима надевает на голову свою отвратительную красную шапку, потирает ушибленную – может быть, даже сломанную трубой – руку.

– Двор Зубов отдал себя в руки старого Главного генерала – твоего отца – и шайки других изменников. Из достоверных источников мне известно, что твой Верховный король будет свергнут еще до следующего полнолуния. Как тебе это нравится?

– Так вот почему вы сбежали? – спрашиваю я. – Потому что вы не предательница?

– Я сбежала из-за другой маленькой козочки. На этом все. Я получила сегодня больше удовольствия, чем ожидала, но наша игра, я думаю, закончена.

У меня в ушах продолжают звенеть слова Гримы: «Твой Верховный король будет свергнут… Будет свергнут… До следующего полнолуния…»

– За вами остался должок, – севшим, хриплым, как воронье карканье, голосом напоминаю я. – Обещание.

К моему удивлению, Грима Мог дает мне обещание никогда больше не охотиться на землях смертных.

– Приходи ко мне опять сразиться, – бросает она мне вслед, когда я направляюсь к лестнице. – У меня еще много тайн в запасе осталось, дочь Мадока. И, кроме того, мне думается, что ты сама немного жаждешь насилия.

Глава 3

Мои мышцы почти сразу же сводит, и от одной только мысли о том, чтобы сесть сейчас на велосипед и крутить педали до дома, мне становится нехорошо. Нет уж, лучше сразу лечь в придорожную канаву и там умереть. Я дожидаюсь автобуса. Ловлю на себе неприязненные взгляды, пока пристегиваю велосипед к стойке, но затем пассажиры замечают, что у меня идет кровь, и сразу решают, что лучше всего просто не обращать на меня внимания.

Мне до сих пор кажется странным распорядок дня в мире людей. В Фейриленде возвращаться домой на заре – это все равно что смертному плестись домой за полночь. Но в мире людей яркий свет утра должен прогонять тени – так, во всяком случае, предполагается. Здесь утро – это время деятельных, активных людей, «ранних пташек», а не лежебок-бездельников. Какая-то пожилая женщина в ярко-розовой шляпке молча протягивает мне несколько влажных салфеток. Я с благодарностью принимаю их и пытаюсь хотя бы слегка привести себя в нормальный вид. Остальную часть пути смотрю в окно на голубое небо, морщусь от боли и жалею себя. Обшариваю свои карманы, нахожу в одном из них таблетки аспирина и проглатываю их, не запивая.

«Твой Верховный король будет свергнут еще до следующего полнолуния. Как тебе это нравится?»

Пытаюсь убедить себя, что мне нет до этого никакого дела. Что я буду только рада, если Эльфхейм окажется в конечном итоге побежден. У Кардана много приспешников, которые предупредят его о том, что приближается. Есть Двор Теней и половина его армии. Правители Нижних Дворов. Все, кто присягнул ему. Весь Живой Совет. И даже новый сенешаль, если, конечно, Кардан дал себе труд его назначить.

Мне не хочется думать о том, что кто-то другой стоит теперь на моем месте рядом с Карданом, но мозг упрямо перебирает все самые худшие варианты.

Никасию Кардан выбрать не мог, потому что она уже посол Подводного мира. Локка он тоже не назначит, потому что уже сделал его Мастером Увеселений и потому еще, что Локк просто невыносим. И не леди Ашу, потому что… Потому что она ужасна. Кроме того, леди Аша любую работу считает утомительной для себя и все свое влияние употребит исключительно на то, что может принести выгоду лично ей. Нет, Кардан наверняка понимает, что нельзя ее выбирать. А может, и нет. Кардан бывает безрассудным. Возможно, он и его злая, беспечная мать станут посмешищем всего рода Зеленого вереска и Кровавой короны. Надеюсь, что станут. Надеюсь, что все они еще раскаются, и Кардан больше всех.

А затем придет Мадок и все приберет к своим рукам.

Прижимаюсь лбом к холодному стеклу и напоминаю себе, что это больше не мои проблемы. Вместо того чтобы пытаться – безуспешно – не думать о Кардане, я стараюсь не думать вообще.

Я просыпаюсь от того, что кто-то трясет меня за плечо.

– Эй, малыш, – говорит водитель автобуса. Его озабоченное лицо прорезано резкими морщинами. – Малыш?

Было время, когда выхваченный мной нож оказался бы приставленным к горлу водителя раньше, чем он успел бы договорить. С трудом вспоминаю, что у меня просто нет моего ножа. Я забыла поискать его возле дома Гримы Мог и вернуть себе.

– Я не сплю, – неубедительно лгу я, потирая лицо одной рукой.

– А мне на минуту показалось, что ты скопытилась, – хмурится водитель. – Вон сколько крови. Хочешь, я позвоню кому-нибудь?

– Все в порядке, – говорю я и понимаю, что автобус почти пуст. – Я пропустила свою остановку?

– Мы на ней. – Он смотрит на меня так, словно хочет настоять на том, чтобы помочь мне. Затем качает головой и продолжает со вздохом: – Велосипед взять

не забудь.

Я и раньше бывала, мягко говоря, не в форме, но не настолько, как сейчас. Бреду по проходу словно корневик, впервые вытащивший из земли свои корни. Непослушными пальцами вожусь с замком велосипеда, а отстегнув его, замечаю ржавое пятно на пальцах. Быть может, я просто растерла кровь по лицу перед водителем автобуса, а потом, сама того не заметив, прикоснулась к щеке? Не знаю, не могу сказать.

Наконец мой велосипед отстегнут, снят с автобуса, и я могу плестись по траве к зданию, в котором мы снимаем квартиру. Подумываю о том, чтобы бросить велосипед в кустах и надеяться на то, что его не украдут. Эта мысль помогает мне преодолеть большую часть пути, и тут я замечаю, что кто-то сидит на нашем крыльце. Девушка с розовыми, сверкающими на солнце волосами. Она издалека замечает меня и приветственно поднимает руку, в которой держит бумажный стаканчик с кофе.

– Хизер? – спрашиваю я, продолжая держаться на расстоянии от нее. Судя по тому, как на меня смотрел водитель автобуса, мне сейчас лучше не демонстрировать свои свежие порезы и царапины.

– Вот, сижу, набираюсь смелости, чтобы постучать, – говорит она.

– А, понятно, – отвечаю я, опуская велосипед на траву. До кустов еще очень, очень далеко. – Ну так пойдем вместе со мной, и…

– Нет! – испуганно восклицает она и, поняв, как громко прозвучало это слово, тут же понижает голос: – Я не знаю, смогу ли вообще зайти сегодня.

Я снова смотрю на нее и понимаю, какой усталой она выглядит, как поблек розовый оттенок ее волос, которые она, судя по всему, давно не подкрашивала.

– Ты часто здесь бываешь?

– Не так чтобы. – Она отводит взгляд в сторону и добавляет, пожимая плечами: – Прихожу иногда. Проверить, что я при этом чувствую.

Вздыхаю, поняв, что мне не удастся скрыть свои раны. Иду к крыльцу, затем валюсь на ступеньку, потому что у меня нет больше сил стоять на ногах. Я слишком устала.

– Джуд? – вскакивает Хизер. – О боже, нет, нет… Что… Что с тобой случилось?

Я морщусь от того, что ее голос звучит слишком громко.

– Тсс! Тише! Как я понимаю, тебе не хочется, чтобы Виви узнала, что ты здесь, – напоминаю я ей. – И вообще, все это выглядит гораздо хуже, чем есть на самом деле. Мне просто нужно принять душ и наложить пару бинтов. Ну, и еще хорошенько выспаться днем.

– Ладно, – говорит она, и я догадываюсь, что она не слишком-то мне верит. – Давай я помогу тебе войти в дом. И не думай, что я грохнусь в обморок, если вдруг увижу там твою сестру или что-то такое. Ты действительно ранена. Ты не должна была стоять и разговаривать здесь со мной столько времени!

Отрицательно помахав рукой, я показываю, что не принимаю предложения Хизер.

– Все в порядке. Я сама. Просто дай мне посидеть минутку.

Хизер молча смотрит на меня. Желание помочь мне борется в ней с желанием еще немного оттянуть неизбежную встречу с Виви.

– Я думала, ты все еще в… том месте, – говорит она. – Это там тебя так?..

– В Фейриленде? – Мне нравится Хизер, но я не собираюсь охаивать мир, в котором выросла, только потому, что он ей ненавистен. – Нет. Это здесь случилось. Я остановилась у Виви. Пытаюсь во всем разобраться. Но если ты надумаешь вернуться к ней, я испарюсь.

Она смотрит вниз, на свои коленки. Покусывает кончик ногтя. Говорит, тряхнув головой:

– Любовь – глупая штука. Мы только и делаем, что разбиваем друг другу сердца.

– Ага, – соглашаюсь я и вновь думаю о Кардане и о том, как сама ступила в приготовленную для меня западню. Действительно, вела себя словно дура, никогда в жизни не слышавшая баллад. И как бы сильно я ни желала счастья Виви, мне не хочется, чтобы Хизер оказалась такой же идиоткой вроде меня. – Э… нет. Послушай, Хизер, любовь действительно может быть глупостью, но ты-то сама не дурочка. Я знаю о той эсэмэске, которую ты прислала Виви. Ты не сможешь переступить через это.

Хизер делает большой глоток из своего стаканчика.

– Меня мучают кошмары, – говорит она. – О том месте. Фейриленде. Я не могу спать. Смотрю на прохожих на улице и думаю, не очарованы ли они. В этом мире уже и так хватает монстров, и так хватает людей, которые хотят использовать меня, или ранить меня, или лишить меня моих прав. Мне не нужно знать, что есть еще целый мир, населенный нелюдями.

– По-твоему, значит, лучше не знать? – спрашиваю я.

Хизер хмурится и молчит. Затем начинает говорить, глядя при этом мимо меня, словно высматривая кого-то на парковке:

– Я даже не могу объяснить моим родителям, из-за чего мы рассорились с Ви. Они продолжают спрашивать меня, не связалась ли она с кем-нибудь другим, или все дело в Оуке, будто я могу относиться к нему как к ребенку, а не к тому, кто он есть.

– Но он все еще ребенок, – замечаю я.

– Я ненавижу бояться Оука, – говорит Хизер. – Я понимаю, это задевает его чувства. Но я ненавижу, ненавижу то, что он владеет магией, и Ви тоже владеет магией, с помощью которой всегда и во всем может одержать верх в любом нашем с ней споре. Владеет магией, способной сделать меня помешанной на ней. Или превратить меня в утку какую-нибудь. И это даже не учитывая того, что меня привлекает в ней в самую первую очередь.

– Погоди, что ты имеешь в виду? – хмурюсь я.

– Ты знаешь, что заставляет людей полюбить друг друга? – поворачивается она ко мне. – Не знаешь. И никто другой не знает. Хотя ученые изучают это и несут всякую чушь про феромоны, симметрию лица и обстоятельства, при которых состоялась ваша первая встреча. Но люди такие странные. И тела у нас тоже такие странные. Возможно, меня притягивает к Ви такое же влечение, какое испытывает муха к венериной мухоловке.

Я недоверчиво хмыкаю, но при этом у меня в голове эхом отдаются слова, сказанные когда-то Балекином: «Я слышал, что у смертных чувство влюбленности очень похоже на чувство страха». Возможно, он был прав намного больше, чем мне хотелось бы верить.

Особенно если вспомнить о моих собственных чувствах к Кардану, поскольку у меня вообще не было никаких веских причин испытывать к нему какие-то чувства.

– Хорошо, – говорит Хизер. – Я понимаю, что это звучит глупо. И чувствую себя нелепо. И вдобавок мне при этом еще и страшно. А еще я по-прежнему считаю, что мы должны войти в дом и сделать тебе перевязку.

– Заставь Виви обещать, что она не будет использовать против тебя магию, – советую я. – Если хочешь, я подскажу тебе правильные слова, которыми ты ее свяжешь, а потом…

Я замолкаю, когда вижу, с какой печалью смотрит на меня Хизер. Возможно, мое предложение кажется ей детским лепетом. А может быть, сама мысль о том, что Виви можно надежно связать обещанием, ей кажется колдовством и еще сильнее ее пугает.

– Ви рассказывала мне, что росла здесь до тех пор, пока не убили ваших родителей, – глубоко вдохнув, говорит Хизер. – Прости, что упоминаю об этом, но я знаю, что это очень сильно повлияло на Ви. Испортило ее характер. Так ведь любого это подкосило бы.

Она задерживает дыхание. Ждет, что я отвечу.

Размышляю над словами Хизер, сидя на ступеньках крыльца, чувствуя, как начинают набухать синяки вокруг все еще слабо кровоточащих порезов. «Любого

подкосило бы». Нет, Хизер, нет. Меня, например, тот случай вовсе не выбил из колеи.

Вспоминаю Виви в ранней юности. Она все время выходила из себя. Постоянно кричала, крушила все, что подвернется, била меня каждый раз, когда я позволяла Мадоку взять меня на руки. Казалось, она была готова разнести на клочки весь мир своей яростью. Да, но ведь это было так давно, так давно. С тех пор у нас началась новая жизнь.

Вслух я ничего этого не произношу. Не дождавшись моего ответа, Хизер прерывисто втягивает ноздрями воздух и говорит:

– Видишь ли, мне кажется, что она играет со мной. Делает вид, что ее жизнь текла именно так, как хотелось ей самой. Прикидывается, что знать не знала, кто она такая и откуда родом.

Протягиваю руку и трогаю ладонь Хизер.

– Виви очень долго оставалась в Фейриленде ради меня и Тарин, – говорю я. – Хотя сама совершенно не хотела быть там. А покинула ее, наконец, только потому, что полюбила тебя. Ну да, Виви выбрала самый легкий путь, решив ничего не объяснять. Но она должна была рассказать тебе правду о Фейриленде. И никогда, ни при каких обстоятельствах, даже в случае паники, не должна была применять к тебе магию. Но теперь тебе все известно, и я думаю, ты сама сможешь решить, прощать ее или нет.

Она смотрит на меня с таким видом, будто собирается что-то сказать, но затем, передумав, спрашивает вместо этого:

– А ты бы простила?

– Не знаю, – честно отвечаю я, разглядывая свои колени. – Я в последнее время стала не слишком милосердной, знаешь ли.

– Хорошо, – поднимается Хизер. – Ты немного отдохнула. Поднимайся. Тебе нужно пойти домой и принять ванну с антисептиком. Конечно, тебе следовало бы показаться врачу, но я заранее знаю, что ты на это скажешь.

– Ты права, – говорю я. – Насчет всего права. Никаких врачей.

Я переваливаюсь набок, пытаюсь подняться на ноги и, когда Хизер протягивает мне руку, не отказываюсь от ее помощи. Более того, встав с помощью Хизер, я опираюсь – нет, наваливаюсь на нее всем своим весом, и мы с ней вдвоем ковыляем к двери. Я потеряла свою былую гордость. Как справедливо напомнил мне Брайерн, я теперь никто.

Вместе с Хизер мы входим на кухню, идем мимо стола, на котором стоит миска Оука, наполовину заполненная залитыми розовым молоком кукурузными хлопьями. Кроме этой миски я вижу на столе две кофейные кружки и коробку «Фрут лупс». Вначале просто механически отмечаю количество кружек, затем мой мозг понимает значение этой детали. Бредя с помощью Хизер в свою спальню, я соображаю, что у нас в доме должен быть гость.

Виви сидит на диване. Ее лицо светлеет, когда она видит Хизер. Виви смотрит на Хизер как человек, только что укравший у великана его чудесную говорящую арфу и знающий, какими это может обернуться последствиями, но совершенно не заботится о них. А мой взгляд прикован к чопорно сидящей рядом с Виви девушке в причудливом придворном платье из паутинки и стеклянной пряжи. Это моя сестра-близнец Тарин.

Глава 4

Несмотря на сведенные мышцы и ноющие раны, в моей крови вскипает адреналин. Мне хочется схватить Тарин за шею и сжимать, сжимать ее до тех пор, пока у нее не отвалится голова.

Виви встает – возможно, прочитав смертельную угрозу в моем взгляде, но скорее всего все же потому, что рядом со мной Хизер.

– Ты, – обращаюсь я к своей сестре-близнецу. – Выметайся отсюда.

– Погоди, – отвечает Тарин и тоже поднимается на ноги. – Пожалуйста.

Теперь мы все стоим в маленькой гостиной и смотрим друг на друга так, словно собираемся устроить скандал.

– Ничего не хочу слышать, ни единого слова с твоих лживых губ. – Я рада, что у меня появилась жертва, на которой можно отыграться за все чувства, которые разворошили во мне Грима Мог и Хизер. Вполне достойная жертва, между прочим. – Выметайся, или я сама вышвырну тебя вон.

– Это квартира Виви, – возражает Тарин.

– Это моя квартира, – напоминает нам Хизер.

– Мне плевать! Если хотите, чтобы она осталась, значит, меня здесь не будет! – Сказав это, я поворачиваюсь и через силу выхожу за дверь и начинаю спускаться по лестнице.

Грохает створка входной двери, и я выхожу на крыльцо. Затем передо мной, загораживая дорогу, появляется Тарин. Легкий ветерок красиво развевает ее платье. Если бы я не знала, как на самом деле выглядят принцессы в Фейриленде, то подумала бы, что вижу одну из них. На мгновение мне кажется совершенно невероятным, невозможным то, что мы с ней родные сестры. Более того, близнецы.

– Что с тобой? – спрашивает Тарин. – У тебя такой вид, словно ты только что с кем-то сражалась.

Я не отвечаю и просто продолжаю двигаться вперед. Я еще не решила, куда иду – и куда смогу дойти в своем нынешнем состоянии. К Брайерну, быть может. Он найдет для меня приют, даже если мне и не понравится цена, которую он впоследствии заломит за свои услуги. Но мне даже на одной койке с Гримой Мог будет лучше, чем здесь.

– Мне нужна твоя помощь, – говорит – Тарин.

– Нет, – отвечаю я. – Нет. Исключено. Никогда. Если ты за этим пришла, то я на твой вопрос ответила, и можешь проваливать отсюда.

– Джуд, просто выслушай меня. – Она снова встает передо мной, заставляя взглянуть на себя. Я поднимаю взгляд, затем начинаю аккуратно огибать пышную пену ее юбок.

– Ответ тоже отрицательный, – говорю ей. – Нет. Я не стану помогать тебе. Нет, я не желаю слышать твои объяснения, почему я должна это делать. Есть волшебное слово «нет». Можешь нести любую чушь, ответ на все будет один – нет!

– Локк мертв, – выпаливает она.

Я останавливаюсь и медленно поворачиваюсь к Тарин. Над нами сияет небо – ярко-синее и прозрачное. Неподалеку в ветвях деревьев пересвистываются птицы. Издалека доносятся шум со стройки и шелест автомобильных шин. В этот момент становится особенно странно и нереально стоять здесь, посреди мира смертных, и слышать о кончине бессмертного существа, фейри, которого я знала, с которым целовалась.

– Мертв? – переспрашиваю я. Даже после всего, что я повидала, это кажется невероятным. – Ты уверена?

Накануне своей свадьбы Локк с друзьями гнался за мной словно свора собак за лисой. Я поклялась отомстить ему за это. Если он умер, я никогда не смогу выполнить свою клятву.

А Локк никогда больше не сможет организовать новую вечеринку, чтобы еще больше опозорить Кардана. Не будет хохотать на пару с Никасией, не будет затевать со мной и Тарин хитрых игр, чтобы вновь столкнуть нас друг с другом. Возможно, мне нужно вздохнуть с облегчением после всех проблем, которые возникали у меня из-за него. Но вместо радости я, к своему огромному удивлению, испытываю самую настоящую печаль.

Тарин делает глубокий вдох и ровным голосом говорит:

– Он мертв, потому что я убила его.

Я трясу головой, как будто это поможет мне лучше понять, что она сказала.

– Что?

Тарин выглядит не более чем слегка смущенной, словно только что призналась в каком-то незначительном проступке, а не в том, что убила своего мужа. Я невольно с тревогой вспоминаю Мадока, склонившегося над тремя испуганно плачущими девчонками, родителей которых он только что зарезал. Мадок стоит, и на лице у него написано такое удивление, будто случившееся стало для него полной неожиданностью, и он сам не ожидал, что дело может зайти так далеко. Интересно, не испытывает ли Тарин сейчас точно такое же чувство?

Да, я знаю, что сама выросла даже более похожей на Мадока, чем мне хотелось бы, но он и Тарин? Никогда бы не подумала, что между ними тоже может быть столько общего.

– И мне нужно, чтобы ты прикинулась мной, – заканчивает Тарин, ничуть не беспокоясь о том, что бестактно предлагать тот же трюк, который позволил Мадоку уйти, уведя с собой половину армии Кардана, тот же самый трюк, вынудивший меня согласиться с планом, что обрек меня на изгнание. – Всего на несколько часов.

– Почему? – начинаю я и тут же понимаю, что выражаюсь недостаточно ясно, и сразу вношу поправку: – Это не насчет того, чтобы притворяться тобой. Я спрашиваю, почему ты его убила?

Она вздыхает, затем переводит взгляд в сторону входной двери.

– Пойдем внутрь, и я расскажу тебе. Все-все расскажу. Пожалуйста, пойдем, Джуд.

Я вынуждена неохотно признать, что кроме как назад в квартиру мне идти-то и некуда. К Брайерну я идти не хочу. Хочу вернуться домой и лечь в свою постель. И как бы я ни была измотана, не могу отрицать того, что перспектива тайком вернуться в Эльфхейм под видом Тарин кажется мне волнующей и привлекательной. От одной только мысли, что я смогу оказаться там и вновь увидеть Кардана, мое сердце начинает учащенно биться в груди.

Но эти свои мысли я, разумеется, никому не открою. Пусть это глупые мысли, но они мои и моими останутся.

В квартире я застаю Хизер и Виви стоящими на кухне, в уголке, рядом с кофейником. Они увлеченно разговаривают о чем-то, и я не хочу мешать их беседе. Хорошо уже то, что они вообще общаются друг с другом. Хоть одна приятная новость. Я прохожу в комнату Оука, где в нижнем ящике комода сложено кое-что из моей одежды. Тарин входит следом, хмурится.

– Пойду душ приму, – говорю я ей. – И мазью раны смажу. А ты завари мне на кухне волшебный целительный чай из тысячелистника. Вымоюсь, выпью чаю и тогда буду готова слушать твои признания.

– Давай помогу тебе раздеться, – предлагает Тарин и добавляет, когда я качаю головой, пытаясь отказаться: – У тебя же нет ни горничной, ни оруженосца.

– И оружия, которое нужно чистить, тоже нет, – отвечаю я, но не сопротивляюсь, когда Тарин начинает осторожно меня раздевать. Одежда задубела, пропитавшись кровью, и я время от времени морщусь от боли, когда Тарин приходится сильнее потянуть ее. Оставшись обнаженной, я могу разглядеть раны – покрасневшие, опухшие, все еще слегка кровоточащие. Подозреваю, что свой нож Грима Мог держала далеко не в той чистоте, к которой привыкла я в обращении с оружием.

Тарин включает душ, регулирует напор и температуру воды, потом помогает мне забраться через бортик ванны и встать под теплые струи. Поскольку мы с Тарин сестры, то видели друг друга обнаженными немереное количество раз, но, когда ее взгляд останавливается на неряшливом шраме у меня на ноге, я вспоминаю о том, что его-то она еще никогда прежде не видела.

– Виви кое-что рассказала, – медленно произносит Тарин. – О той ночи перед моей свадьбой. Ты опаздывала, а когда, наконец, появилась, была тихой и бледной. Болезненной на вид. Я волновалась, думала, что ты все еще любишь Локка, но Виви настаивает на том, что это не так. Говорит, что тебя ранили.

– Помню ту ночь, – киваю я.

– Локк… он что-то сделал тебе?

Теперь она на меня не смотрит. Ее взгляд скользит по кафельным плиткам, затем останавливается на висящем в рамочке рисунке Оука, на котором он изобразил Хизер. Сам портрет нарисован коричневой пастелью, а волосы, разумеется, розовой.

Я беру гель для душа, который Виви покупает в магазине экологически чистых товаров. Предполагается, что он должен обладать натуральными антибактериальными свойствами. Щедро наношу гель поверх засохшей крови на своих ранах. Гель пахнет хлоркой и ужасно жжет.

– То есть ты хочешь спросить, пытался ли он убить меня?

Тарин кивает. Я ловлю ее взгляд и понимаю, что она уже знает ответ.

– Почему ты ничего не сказала? Почему ты позволила мне выйти за него? – требовательно спрашивает она.

– Не знала, – признаюсь я. – Я не знала, что ту охоту на меня устроил Локк. Не знала до тех пор, пока не увидела, что ты носишь серьги, которые я потеряла в ту ночь. Потом меня забрали в Подводное королевство. Вскоре после того как я возвратилась оттуда, ты предала меня, поэтому я решила, что та ночная охота не главное.

Тарин хмурится, явно разрывается между желанием вступить в спор и попыткой сохранить спокойствие, чтобы добиться от меня своего. Спустя секунду тяга к спору перевешивает. Что ж, ведь, в конце концов, мы с Тарин близнецы.

– Я просто сделала то, что велел отец! Я не думала, что это имеет какое-то значение. У тебя в руках была вся власть, но ты ее не использовала. Я никогда не хотела причинить тебе вреда.

– Мне кажется, я предпочла бы, чтобы за мной гонялся по лесу Локк со своими приятелями, чем получить от тебя нож в спину. Вновь.

Я вижу, как Тарин заставляет себя замолчать, глубоко втягивает воздух и прикусывает свой язычок.

– Прости, – говорит она и выскальзывает из ванной комнаты, оставляя меня домываться под душем в одиночестве.

Я прибавляю горячую воду и никуда не спешу.

* * *

Когда я появляюсь из ванной, Хизер уже ушла, а Тарин, порывшись в нашем холодильнике, на скорую руку накрыла из того, что там осталось, к чаю. В центре стола стоит огромный чайник, рядом с ним еще один, поменьше – для тысячелистника. Тарин разложила на подносе остатки имбирного печенья, а оставшийся у нас хлеб превратила в два сорта сэндвичей – с ветчиной и сельдереем, и с ореховым маслом и овсяными колечками «Чириоз».

Виви заваривает кофе в кофейнике и с озабоченным видом наблюдает за Тарин. Я наливаю себе кружку целебного чая, залпом выпиваю ее и тут же наливаю вторую. Вымытая, перебинтованная, переодетая в чистую одежду, я соображаю теперь намного лучше и готова справиться с известием о том, что Локк мертв и что это моя сестра-близнец его убила.

Беру сэндвич с ветчиной, откусываю кусок. Сельдерей хрустит на зубах, с ним сэндвич кажется немного непривычным, странным, но в целом вкус у него неплохой. Внезапно понимаю, как сильно я проголодалась. Запихиваю в рот все, что осталось от первого сэндвича, и немедленно протягиваю руку за вторым.

Тарин заламывает свои руки, мнет их, затем начинает разглаживать на себе платье.

– Меня достало, – говорит она. Виви молчит, и я тоже. Стараюсь как можно тише хрустеть сельдереем. – Локк обещал любить меня до самой смерти, но его любовь не спасала меня от его грубости. Он предупреждал меня, что народ любит не так, как мы, люди. Я не понимала этого до тех пор, пока он не начал на целые недели оставлять меня одну в своем огромном жутком доме. Я разводила гибридные розы в саду, заказала новые занавески, терпела его затяжные, по месяцу, кутежи со своими приятелями. Но это не помогало. Порой я бывала развязной, порой строгой, я делала для него все. Но он сказал, что между нами все кончено.

Я поднимаю брови. Он, конечно, сказал ужасную вещь, но не думаю, что эти слова должны были стать его последними.

– И тут, как я понимаю, ты ему врезала, – говорю я.

Виви громко хохочет, потом с укоризной смотрит на меня за то, что я рассмешила ее.

На ресницах Тарин блестят слезы.

– Пожалуй, что так, – ровным тихим голосом соглашается она. – Я пыталась объяснить ему, каким образом все может измениться между нами… Должно измениться, но он смотрел на меня как на идиотку и продолжал говорить, словно пытаясь разубедить меня в моих чувствах. На столе лежал инкрустированный нож для разрезания писем, и… Ты помнишь, чему нас учил Мадок? Короче, сама не помню как, но в следующий миг лезвие этого ножа уже торчало в горле Локка, и он, наконец, замолчал. Потом я вытащила нож, и было много крови.

– Так ты не собиралась его убивать? – спрашивает Виви.

Тарин на этот вопрос не отвечает.

Я знаю, какой взрыв может произойти, если слишком долго держать что-то в себе. И каково это – воткнуть нож в кого-нибудь, тоже знаю.

– Все нормально, – говорю я, хотя сильно сомневаюсь, что так оно и есть.

– Я думала, что мы с тобой совершенно разные, – поворачивается ко мне Тарин. – Но на деле выходит, что одинаковые.

Судя по ее тону, не скажешь, что ей нравится такое сходство.

– Где сейчас тело? – спрашиваю я, переключаясь на практические вещи. – Нам нужно избавиться от него, и…

– Его тело уже обнаружено, – трясет головой Тарин.

– Как? Что ты сделала? – Если до этого я была недовольна тем, что Тарин обратилась ко мне за помощью, то теперь сержусь, что она не пришла раньше, когда я еще могла позаботиться о трупе Локка.

– Я оттащила его тело на берег и скинула в волны. Думала, что отлив утащит его далеко в море, но труп прибило к другому берегу. К тому времени рыбы… Одним словом, он был несколько… объеден, и стало сложнее определить, от чего именно умер Локк. – Она беспомощно смотрит на меня, словно до сих пор не веря, что все это произошло именно с ней. – Я не такая уж неумеха, оказывается.

– Я этого и не говорю, – отвечаю я, прихлебывая свой чай из тысячелистника.

– Будет расследование, – продолжает Тарин. – Они наведут на меня гламур и начнут расспрашивать. Находясь под чарами, я не смогу лгать. А вот ты на моем месте сможешь заявить, что не убивала его, и тебе поверят.

– Джуд находится в изгнании, – напоминает Виви. – Ей запрещено возвращаться в Фейриленд до тех пор, пока она не получит высочайшее прощение или что-то в этом духе. Если они поймают Джуд, то убьют.

– Но речь идет всего о нескольких часах, – лепечет Тарин, переводя взгляд с меня на Виви и обратно. – И никто ничего не узнает. Ну, пожалуйста.

– Слишком рискованно, – качает головой Виви.

Я ничего не говорю, и это наводит ее на мысль о том, что я обдумываю предложение Тарин.

– Ты собираешься отправиться туда? – спрашивает Виви, пристально глядя на меня. – Ну да, ищешь предлог, чтобы вернуться, понимаю. Но как только они наведут чары, первым делом спросят твое имя. Или зададут еще какой-нибудь вопрос, на который ты не сможешь ответить так, как ответила бы Тарин. И все. Тебя немедленно скрутят.

– На мне лежит заклятие, – качаю я головой в ответ. – Оно защищает меня от чар.

Я ненавижу то, как волнует меня мысль о возвращении в Эльфхейм. Ненавижу то, как сильно мне хочется откусить еще кусочек «вечного яблока», получить еще один шанс добиться власти, еще хоть раз взглянуть на Кардана. Может быть, есть способ отменить мое изгнание, нужно лишь найти его.

– Заклятие? – хмурится Тарин. – Зачем?

– Скажи ей, – требует Виви, глядя мне в лицо. – Скажи, что ты действительно делала. Скажи ей, кто ты и почему не можешь возвратиться туда.

Тарин тоже смотрит на меня – со страхом.

Мадок должен был объяснить, что я добилась от Кардана обещания повиноваться мне, иначе как она догадалась бы приказать ему освободить половину его армии от присяги? С тех пор, как меня вернули в мир смертных, у меня было много времени обдумать все, что произошло между нами. Я уверена, что Тарин была сердита на меня за то, что я не рассказала ей о своей власти над Карданом. Уверена, что Тарин еще больше недовольна тем, что я не убедила Кардана освободить Локка от должности Мастера увеселений, хотя на самом деле мне достаточно было бы просто приказать ему. Но у нее была и масса других причин, чтобы помогать Мадоку. В конце концов, он, помимо всего прочего, был нашим отцом. А может быть, Тарин хотела сыграть по-крупному. Представляла, какие перед ней откроются возможности, если Мадок будет сидеть на троне.

– Я должна была рассказать тебе все про Дайна и Двор Теней, однако… – начинаю я, но меня перебивает Виви.

– Эту часть ты можешь опустить, – говорит она. – Переходи к главному. Скажи ей, кто ты есть.

– Я слышала о Дворе Теней, – быстро вставляет Тарин. – Это шпионы. Хочешь сказать, что и ты тоже шпионка?

Я трясу головой, потому что, наконец, понимаю, каких именно объяснений ждет от меня Виви. Она хочет, чтобы я сказала, что Кардан женился на мне и фактически сделал меня Верховной королевой Эльфхейма. Но я не могу. Каждый раз, когда я просто думаю об этом, мне становится стыдно за себя. За то, что я

возомнила, будто он не собирается одурачить меня. Я не думаю, что смогу объяснить это, не выставив себя при этом круглой идиоткой, а оказаться такой уязвимой перед Тарин мне совершенно не хочется.

Нужно закруглять этот разговор, поэтому я говорю о том, что отвлечет внимание их обеих – хотя и по разным причинам:

– Я решила отправиться и на время расследования выдать себя за Тарин. Вернусь назад через день-два, и тогда все ей объясню. Обещаю.

– А не могли бы вы обе просто остаться здесь, в мире смертных? – спрашивает Виви. – Плюнуть на Фейриленд. Вообще все к черту послать. Снимем более просторную квартиру.

– Даже если Тарин останется у нас, ей лучше не избегать расследования, которое ведется по приказу Верховного короля, – говорю я. – Кроме того, надеюсь, что мне удастся принести оттуда то, что можно будет продать здесь за хорошие деньги, и тогда мы сможем спокойно снять более просторную квартиру, о которой ты говоришь.

– Мы можем отказаться от апартаментов и перестать изображать из себя приличных смертных, если тебе так хочется, – бросает на меня сердитый взгляд Виви. – Я делала это только ради Хизер. Если дело касается только нас, можем пристроиться где-нибудь в заброшенном складе на берегу и навести гламур так, чтобы никто, кроме нас, не мог в него войти. А можем украсть или наколдовать столько денег, сколько будет нужно, чтобы купить все, что захотим. Ты только скажи, Джуд.

Я вынимаю из кармана пятьсот долларов, ради которых сегодня ночью рисковала жизнью, и кладу на стол.

– Сегодня к вечеру Брайерн принесет вторую половину. Поскольку мы все еще прикидываемся смертными. И пока Хизер остается здесь. Теперь я пойду вздремну, а когда проснусь, отправлюсь в Фейриленд.

Тарин смотрит на деньги и смущенно говорит:

– Если вам нужны…

– Если попадешься, тебя казнят, Джуд, – напоминает мне Виви, не давая Тарин договорить. Я этому рада. Да, я готова исполнить просьбу Тарин, но это не означает, что я ее прощаю. Или что мы с ней вновь станем близки. И мне не хочется, чтобы она вела себя так, будто это происходит.

– В таком случае я не дам себя поймать, – говорю я им обеим.

Глава 5

Поскольку Оук сейчас в школе, я устраиваюсь на его кровати. Несмотря на раны, сон очень быстро приходит ко мне, и я проваливаюсь во тьму.

И мне снятся сны.

Я сижу на уроках в дворцовой роще. Поздний вечер протянул длинные тени, уже взошла луна – яркий острый серп на безоблачном синем небе. Я по памяти составляю гороскоп, но мои чернила оставляют на бумаге темно-красные кляксы. И тут я понимаю, что это не чернила, а кровь. Я макаю свое перо в чернильницу, наполненную кровью.

По ту сторону рощи я вижу принца Кардана, он сидит в своей обычной компании. Валериан и Локк как-то странно выглядят – их одежда изъедена молью, кожа у обоих очень бледная, а там, где должны быть глаза, темнеют размытые, черные, как тушь, пятна. Никасия сидит с ними и, кажется, ничего этого не замечает. Ее волосы цвета морской волны тяжелыми локонами спадают на спину. Она кривит губы в насмешливой улыбке, так, словно все в ее мире происходит правильно. У Кардана на голове окровавленная корона. Она заломлена набок, отчего резкие черты его лица становятся неотразимо прекрасными.

– Помнишь, что я сказал перед тем, как умер? – насмешливо окликает меня Валериан. – «Проклинаю тебя. Трижды тебя проклинаю. Раз уж ты убила меня, пусть твои руки всегда будут запачканы кровью. Пусть смерть будет единственным твоим спутником. Пусть…» Здесь я умер и не смог договорить до

конца. Хочешь теперь дослушать? «Да будет твоя жизнь короткой и печальной, а когда ты умрешь, пусть никто не станет тебя оплакивать».

Я вздрагиваю.

– Да-да-да, последняя моя фраза просто блеск, вишенка на торте! – восклицает Валериан.

Подходит Кардан, наступает на мой гороскоп, опрокидывает своим сапогом с серебряной накладкой на носке чернильницу, и по бумаге растекается кровь, уничтожая все мои записи.

– Пойдем со мной, – властно приказывает он.

– Я знаю, тебе она нравилась, – говорит ему Локк. – Вот почему я должен был первым ее заполучить. Помнишь ту вечеринку в моем садовом лабиринте? Как я целовал ее у тебя на глазах?

– Я помню, как ты ее обнимал, но взгляд Джуд при этом был обращен на меня, – парирует Кардан.

– Это неправда, – возражаю я, но тут же вспоминаю Кардана, лежащего на одеяле с девушкой-фейри, чьи волосы были цвета нарцисса. Она прижимает свои губы к краю его сапога, а в это время другая девушка целует Кардану горло. Его взгляд падает на меня, но в этот момент одна из девушек начинает целовать его в губы. Черные яркие глаза Кардана влажно блестят словно деготь.

Память возвращает мне ощущение скользящей по моей спине ладони Локка, я вспоминаю, как пылали у меня щеки. Мне кажется, что моя кожа слишком туго натянута и что вообще все это уже чересчур.

– Пойдем со мной, – повторяет Кардан и уводит меня от залитого кровью гороскопа и от всех остальных, кто сидит на уроке. – Я принц фейри. Ты должна делать то, что я хочу.

Он ведет меня в пятнистую тень дуба, затем подсаживает на нижнюю ветку, и, не убирая рук с моей талии, сам придвигается ближе и встает между моими бедрами.

– Разве так не лучше? – спрашивает он, глядя мне в лицо.

Я не совсем понимаю, что он имеет в виду, но киваю.

– Ты такая красивая. – Кардан начинает ласкать мне руки, затем проводит ладонями вниз по моим бокам. – Очень красивая.

Я слышу его бархатный голос и совершаю ошибку, посмотрев в черные как ночь глаза и на насмешливо скривившийся рот Кардана.

– Но твоя красота поблекнет, – все так же мягко, словно влюбленный, продолжает он. Его ладони замедляют свое движение, у меня сводит желудок, а затем внутри живота начинает растекаться жидкое пламя. – Эта гладкая кожа увянет, покроется пятнами, сделается морщинистой и тонкой, как паутинка. Эти роскошные груди поникнут. Волосы станут тусклыми и тонкими. Твои зубы пожелтеют. И все, чем ты обладаешь, все, что ты есть, сгниет и превратится в ничто. Ты станешь ничем. Ты уже ничто.

– Я ничто, – эхом повторяю я, потому что мне нечего возразить.

– Ты пришла из ничего и вернешься в ничто, – шепчет он, почти касаясь губами моей шеи.

Внезапно меня охватывает паника. Чувствую, что я должна немедленно бежать от Кардана. Я отталкиваюсь от края ветки, но не достигаю земли и просто падаю, падаю, падаю. Лечу, как Алиса, провалившаяся в кроличью нору.

Затем сон меняется. Завернувшись в ткань, я сижу на каменной плите. Пытаюсь подняться, но не могу тронуться с места. Я самой себе кажусь деревянной куклой. Глаза у меня открыты, но я не могу пошевелить головой, не могу моргнуть, ничего не могу сделать. Могу лишь смотреть в то же самое безоблачное небо, все на тот же острый серп месяца.

В поле моего зрения появляется Мадок, встает надо мной, смотрит на меня сверху вниз своими кошачьими глазами.

– Стыдно, – говорит он так, словно рассуждает сам с собой, а я не могу слышать его. – Ведь если бы она прекратила враждовать со мной, я дал бы ей все, что она пожелает.

– Она никогда не была послушной девочкой, – откликается возникшая рядом с ним Ориана. – В отличие от своей сестры.

Тарин тоже здесь, по ее щеке стекает маленькая слезинка.

– Они планировали, чтобы выжила только одна из нас. И всегда предполагалось, что это буду я. Ты та из двух сестер, которой предназначено выплевывать жаб и змей. А я – сестра, которая выплевывает рубины и бриллианты.

Они уходят, все трое, и на их месте возникает Виви, касается моего плеча своими длинными пальцами.

– Я спасу тебя, – говорит Виви. – Это всегда была моя работа – спасать тебя.

– Мои похороны будут следующими, – мгновением позже шепчет Оук.

Слабо, словно откуда-то издалека, долетает голос Никасии:

– Говорят, что фейри рыдают на свадьбах и хохочут на похоронах, но я думаю, что твоя свадьба и твои похороны окажутся одинаково забавными.

Вновь появляется Кардан с ласковой улыбкой на губах и начинает говорить, перейдя на заговорщицкий шепот:

– Когда я был ребенком, мы играли в похороны. Ставили их как маленькие спектакли. Разумеется, смертные, которых мы хоронили, были уже мертвы. Или, по крайней мере, близки к своему концу.

После этого ко мне, наконец, возвращается дар речи.

– Ты лжешь, – говорю я.

– Конечно, лгу, – соглашается он. – Ведь это же твой сон. Позволь мне доказать это. – Кардан прижимает к моей щеке свою теплую ладонь и говорит: – Я люблю тебя, Джуд. Я давно люблю тебя. И никогда не перестану любить.

– Прекрати! – кричу я.

Затем надо мной стоит Локк и говорит, брызжа изо рта слюной.

– Давайте убедимся в том, что она действительно мертва.

Спустя мгновение он вонзает мне в грудь свой нож. Затем делает это снова и снова.

На этом месте я просыпаюсь от собственного крика, с залитым слезами лицом.

Пинком сбрасываю одеяло. За окнами темно. Очевидно, я проспала весь день. Зажигаю свет, делаю глубокий вдох и касаюсь лба, проверяя, нет ли у меня жара. Жду, пока успокоятся нервы. Чем дольше я вспоминаю свой сон, тем больше он тревожит меня.

Выхожу в гостиную и там, на кофейном столике, нахожу открытую коробку с пиццей. На одном из немногих оставшихся треугольных ломтиков кто-то положил рядом с кружочками пеперони головки одуванчика. Все ясно. Это Оук пытается объяснить Тарин правила игры в «Ракетную лигу».

Сейчас они оба настороженно смотрят на меня.

– Эй, – говорю я своей сестре-близнецу. – Я могу с тобой потолковать?

– Легко, – отвечает Тарин, поднимаясь с дивана.

Я возвращаюсь в спальню Оука и устраиваюсь на краешке его кровати.

– Я хочу знать, не явилась ли ты сюда потому, что тебе велели это сделать, – говорю я. – Я хочу знать, не ловушка ли это, которую расставил на меня Верховный король, чтобы соблазнить меня нарушить условия моего изгнания.

Тарин удивлена, но, к ее чести будет сказано, не спрашивает меня, как подобные вещи могли прийти мне в голову. Она прижимает руку к животу, распрямляет пальцы.

– Нет, – отвечает Тарин. – Но я сказала тебе не все.

Я жду, не догадываясь еще о том, что она имеет в виду.

– Я думала о нашей маме, – говорит она, наконец. – Я всегда считала, что она покинула Эльфхейм из-за того, что полюбила нашего смертного папу, но теперь я в этом не уверена.

– Не понимаю, – говорю я.

– Я беременна, – шепотом сообщает Тарин.

На протяжении столетий смертных женщин ценили за то, что те могли зачать ребенка от фейри. Наша кровь не такая холодная, как у народа.

Женщине-фейри, можно сказать, повезло, если она сможет выносить хотя бы одного ребенка за всю свою непомерно долгую жизнь. Большинство из них даже на это не способно. И совсем другое дело – смертная жена. Все это я знаю, но как-то никогда не задумывалась над тем, что у Тарин и Локка может быть ребенок.

– Вау, – говорю я, останавливая свой взгляд на руке сестры, которой та прикрывает живот. – Ого.

– Ни у кого не должно быть такого детства, какое было у нас, – говорит она.

Интересно, как она себе это представляла? Воспитывать ребенка под крышей дома Локка, чтобы тот издевался над ними обоими? А может, вообразила, что если сбежит, то Локк выследит ее с ребенком так же, как выследил нашу маму

Мадок? Не знаю. И в том, что мне следует дальше отталкивать Тарин, тоже не уверена. Сейчас, как следует отдохнув сама, я начинаю замечать в сестре признаки сильной усталости. Глаза красные. Черты исхудавшего лица заострились.

Я понимаю, что Тарин пришла сюда потому, что ей больше некуда было пойти, и при этом знала, что у нее нет ни единого шанса на то, что я соглашусь ей помочь.

– Он знал? – спрашиваю я наконец.

– Да, – отвечает она и замолкает, словно вспоминая свое объяснение с Локком. И, возможно, сцену убийства тоже. – Но я об этом еще никому, кроме него, не говорила. Только тебе. А разговор с Локком… Ну, ты уже в курсе, как он прошел.

Я не представляю, что сказать на это, но когда Тарин беспомощно делает шаг навстречу, я прихожу в ее объятия и склоняю голову ей на плечо. Я знаю, что есть множество вещей, о которых я должна ей рассказать, и множество вещей, о которых она должна рассказать мне. Я знаю, что мы не были добры друг к другу. Я помню, что она причиняла мне боль, причем гораздо более сильную, чем сама могла себе представить. Но, несмотря ни на что, она по-прежнему моя сестра. Моя овдовевшая, беременная сестра-убийца.

* * *

Спустя час я уже собрала вещи и готова к отъезду. Тарин посвятила меня в детали распорядка своего дня, о народе, с которым регулярно общается, о том, как она управляет поместьем Локка. Она дала мне пару перчаток, чтобы скрыть с их помощью мой недостающий палец. Сняла свое элегантное платье из паутины и стеклянной пряжи. Теперь его буду носить я. Мои волосы уложены так, чтобы приблизительно напоминать прическу Тарин. Сестра переоделась в мои черные легинсы и свитер.

– Спасибо тебе, – произносит она слова, которых никогда не услышишь от народа. Благодарность у фейри считается грубостью, опошляющей сложный процесс одалживания и возврата долгов. Но смертные вкладывают в слова благодарности совершенно иной смысл, вообще не имеющий никакого

отношения к долгам.

Тем не менее я отмахиваюсь от слов Тарин, отвечая ей:

– Не за что.

Следом подходит Оук, хочет, чтобы я взяла его на руки. Хотя ему всего восемь лет, у него уже вытянувшееся мальчишеское тело с длинными руками и ногами.

– Обними меня, – говорит он. На его языке это означает, что сейчас он сам запрыгнет на тебя и обхватит за шею так, что едва не задушит. Я выдерживаю это испытание, обнимаю Оука, затем осторожно ставлю на пол.

Я снимаю с пальца кольцо с рубином – то самое, которое Кардан украл у меня, а затем мне же и вернул, когда мы с ним обменивались клятвами. Это кольцо никак не может быть у меня, если я собираюсь выдавать себя за – Тарин.

– Сможешь сохранить его до моего возвращения? – спрашиваю я.

– Сохраню, – торжественно обещает Оук. – Только ты скорее возвращайся. Я буду по тебе скучать.

Я удивлена и тронута его нежностью, особенно после нашей последней с ним стычки возле рощицы.

– Вернусь сразу же, как только смогу, – обещаю я, целуя его в лоб. Затем прохожу на кухню, где меня ждет Виви. Вместе с ней мы выходим из дома на поросшую травой лужайку, где она вырастила несколько кустиков крестовника.

Тарин плетется следом за нами, теребит рукав надетого на ней свитера.

– Ты уверена? Точно? – спрашивает Виви, срывая под самый корень один стебель крестовника. Я смотрю на нее. Фигура Виви скрывается в тени, только на волосах лежит отблеск уличного фонаря. Обычно волосы Виви выглядят просто каштановыми, как у меня, но при правильном освещении видны вплетенные в них золотые, с зеленым отливом нити.

Виви никогда не тянуло в Фейриленд так же сильно, как меня. Возможно, потому, что она сама фейри и свою родину постоянно носит с собой?

– Ты же знаешь, что я уверена, – отвечаю я. – Ну а теперь, может быть, расскажешь мне, что там у вас с Хизер?

Виви отрицательно качает головой.

– Останься в живых, если хочешь узнать об этом, – говорит она, а затем дует на сорванный крестовник. – Конь, встань и отнеси мою сестру туда, куда она тебе прикажет.

Не успев упасть на землю, цветущий стебелек превращается в тощего желтого пони с изумрудными глазами и гривой из кружевных листьев.

Пони фыркает и нетерпеливо бьет копытами, ему не меньше, чем мне, хочется поскорее подняться в воздух.

* * *

Поместье Локка осталось точно таким же, каким я его помню – высокие шпили башен, замшелая черепица, густо увитые жимолостью и плющом стены. Во дворе сложным узором извивается лабиринт живой изгороди. В целом поместье выглядит словно сошедшее со страниц сказки, этакое выдуманное место, где царят покой и любовь и где никогда не знают боли.

«По ночам мир людей выглядит так, словно он полон упавших звезд», – неожиданно вспоминаются мне слова, сказанные Локком, когда мы с ним вдвоем стояли на вершине самой высокой башни.

Заставляю наколдованного из крестовника пони спуститься, спрыгиваю с его спины и оставляю рыть копытом землю, а сама направляюсь к внушительным входным дверям дома. При моем приближении их створки разъезжаются в стороны. Сразу за ними стоит пара слуг с голубоватой, как поганки, кожей, такой прозрачной, что сквозь нее хорошо просматриваются все вены. Это делает слуг похожими на старинные мраморные статуи со свисающими у них за спиной маленькими, припорошенными мучнистым налетом крылышками. Они следят за

моим приближением своими холодными, похожими на капельки туши глазами, заставляя меня моментально вспомнить о нечеловеческой природе всего народа фейри.

Я глубоко втягиваю воздух, распрямляюсь во весь свой рост и прохожу внутрь.

– С возвращением, миледи, – говорит служанка-женщина. Тарин рассказала мне, что в доме служат люди – брат и сестра. Нера и Нив. Они были должниками отца Локка, но и после смерти хозяина остались в поместье, чтобы остаток своих дней заботиться о его сыне. Раньше слуги предпочитали держаться тайком, не попадаясь на глаза, но Тарин, вскоре после переезда сюда, запретила им это делать.

В мире смертных я в подобных ситуациях привыкла говорить спасибо, но сейчас вовремя сдерживаюсь и вместо этого холодно говорю, проходя мимо них в холл:

– Хорошо снова оказаться дома.

Здесь очень многое изменилось с тех пор, когда я в последний раз приходила сюда. Раньше комнаты в основном были пустыми, а в остальных стояла немногочисленная старинная тяжелая мебель с выцветшей от времени обивкой. Голый длинный обеденный стол и такие же голые полы. Теперь все стало иначе.

Подушечки, коврики, кубки, подносы, наполовину наполненные жидкостью хрустальные графины. И повсюду буйство красок – алая и умбра, индиго и бутылочно-зеленая, золотистая и сливовая. Покрывало на кушетке усыпано тонкой золотистой пыльцой, оставшейся, вероятно, от сидевшей здесь недавно гостьи. Я слишком долго хмурюсь, и мое лицо отражается, как в зеркале, на стенке полированной серебряной урны.

За мной наблюдают слуги, так что мне ни к чему так внимательно изучать комнаты, с которыми, как предполагается, я хорошо знакома. Поэтому принимаю безразличный вид, скрывая замешательство, в которое меня приводят некоторые подробности личной жизни Тарин, которые всегда оставались для меня за кадром.

В том, что этот дом заново обставляла сама Тарин, я нисколько не сомневаюсь. Если вспомнить, то и в имении Мадока ее кровать тоже была постоянно завалена

грудой ярких разноцветных подушек. Моя сестра любит красивые вещи. И еще я, разумеется, не могу не заметить, что весь этот дом приспособлен для пьяных оргий, для разврата. Ну да, Тарин говорила о затяжных, порой до месяца, вакханалиях Локка, но только теперь я живо представляю ее раскинувшейся на подушках, пьющей вино, смеющейся, целующей гостей. А может быть, и не только целующей.

Моя сестра-близнец всегда была скорее проказливой, чем злой, скорее застенчивой, чем распущенной. Во всяком случае, так я о ней думала. Пока я пробивалась наверх с помощью кинжалов и яда, она шла не менее опасной тропой страсти.

Я поворачиваюсь к лестнице, чувствуя неуверенность в том, что сумею довести эту игру до конца. Стараюсь вспомнить все, что знаю сама, все, что объяснила мне Тарин, и то, что я сама придумала про свою якобы последнюю встречу с Локком. Скажу, что у него было запланировано свидание с любовницей из рода селки. Вполне правдоподобно, не так ли? А с Подводным королевством совсем недавно земля была в ссоре, так что можно надеяться, что народ по-прежнему настроен против них.

– Обедать будете в большой столовой? – спрашивает идущая следом за мной Нив.

– Нет, подашь обед в мою комнату, – отвечаю я. Мне не хочется обедать, сидя в напряженном молчании одной за огромным столом.

Иду наверх, в полной уверенности, что помню дорогу. С некоторым внутренним трепетом открываю дверь, и на секунду мне кажется, что я попала не туда. Впрочем, сама комната Локка осталась на прежнем месте, только изменилась до неузнаваемости. Кровать украшена занавесками с вышитыми на них лисами, крадущимися среди высоких деревьев. Кроме того, в спальне появился низкий диван, на который небрежно брошены несколько платьев, и новый небольшой письменный стол с бумагой, чернильницей и перьями на нем.

Я иду в гардеробную Тарин и смотрю на ее платья – чуть менее яркие, чем мебель, которую выбрала моя сестра, но не менее красивые. Беру сорочку и тяжелый атласный халат, чтобы надеть его сверху, после чего снимаю платье из паутины и стекла.

Ткань сорочки холодит кожу. Я стою перед зеркалом в спальне Тарин и расчесываю волосы ее гребнем. Рассматриваю свое отражение, ищу те мелочи, которые могут выдать меня. Да, я мускулистее, чем моя сестра, но эту деталь можно скрыть с помощью одежды. Мои волосы чуть короче, чем у Тарин, но этого почти не заметно. Ну и характер, конечно. Вот уж что у нас с ней разное, так это характер.

– Приветствую вас, ваше величество, – говорю я, пытаясь вновь представить себя при Верховном Дворе. Что бы сделала при этом Тарин? И я в низком реверансе приседаю перед воображаемым королем. – Как же я ждала нашей встречи!

Само собой, Тарин не ждала, видела его, полагаю, недавно. Чувствую нарастающую тревогу в груди. Ведь я собираюсь сделать нечто большее, нежели просто ответить на вопросы во время дознания. Я собираюсь лгать Верховному королю прямо в лицо.

Следя за своим отражением в зеркале, я пытаюсь найти правильное выражение лица, почтительное, а не хмурое.

– Приветствую вас, ваше величество, вероломная гадина.

Хорошо звучит, но не годится, к сожалению.

– Приветствую вас, ваше величество, – начинаю я по новой. – Я не убивала моего мужа, хотя, если честно, он этого вполне заслуживал.

Раздается стук в дверь, от которого я вздрагиваю.

Входит Нера с большим подносом, ставит еду на кровать и с низким поклоном выходит из комнаты, так и не издав ни единого звука.

На подносе я вижу тост и джем с приторным сладким запахом, от которого у меня текут слюнки. Мне требуется некоторое время, чтобы вспомнить, что так пахнет фейрийский фрукт. И мне принесли сделанный из него джем так, будто этот плод, от которого у смертных мутится рассудок, привычен для Тарин, будто она регулярно его ест. Неужели Локк начал давать Тарин фейрийский фрукт втайне от нее? Или она сама сделала этот выбор, чтобы чувствовать опьянение?

Я вновь теряюсь в догадках.

К счастью, помимо тоста с опасным для меня джемом, на подносе стоит чайник с крапивным чаем, мягкий сыр и три сваренных вкрутую яйца. Нормальный простой обед – если не считать, конечно, коварного фейрийского – фрукта.

Я пью чай, съедаю яйца и тост. Джем я соскребаю в салфетку, которую засовываю в дальний угол шкафа. Если Тарин спустя несколько недель найдет по запаху этот заплесневевший джем, пусть это станет маленькой расплатой за то, что она уговорила меня ей помочь.

Я снова смотрю на платья, пытаюсь выбрать одно из них на завтрашний день. Вычурным или ярким это платье быть не должно. Мой муж мертв, и мне положено носить траур. Хотя порученное мне Тарин дельце можно назвать черным, в ее гардеробе этот цвет полностью отсутствует. Я перебираю шелковые и атласные платья, парчовые с узорами в виде выглядывающих из-за листьев животных, расшитые бархатные цвета шалфея и синего неба. Наконец останавливаю свой выбор на платье цвета темной бронзы и бросаю его на диван вместе с парой темно-синих перчаток. Порывшись в шкатулке с драгоценностями, нахожу серьги, которые сама же и подарила сестре. Одна серьга в виде луны, другая в виде звезды, а сделал их мастер Гримсен, заколдовавший эти серьги так, что надевшая их женщина становится красивее.

Мне не терпится поскорее улизнуть из владений Локка и оказаться во Дворе Теней. Ничего я не желаю сейчас сильнее, чем повидать Таракана и Бомбу, услышать последние придворные новости и сплетни, оказаться в знакомых подземных комнатах.

Но тех комнат больше нет, их разрушил Призрак, продавший нас Подводному королевству. Я даже не знаю, где он вообще сейчас находится, Двор Теней.

И не могу подвергать его опасности.

Открыв окно, сажусь за стол Тарин и прихлебываю крапивный чай, вдыхаю резкий соленый запах моря, смешанный со сладким ароматом дикой жимолости, слушаю шелест ветерка в вершинах елей. Я чувствую себя дома и одновременно тоскую по дому.

Глава 6

Дознание должно начаться в тронном зале дворца под Холмом, когда на небе появятся первые звезды. Я прибываю к Верховному Двору в бронзовом платье Тарин, с наброшенной на плечи шалью, мои пальцы обтянуты перчатками, а волосы собраны в свободный пучок. Мое сердце лихорадочно бьется, но я надеюсь, что никто не узнает об этом, как и о том, что я вся мокрая от пота.

Будучи сенешалем Верховного короля, я была наделена определенными привилегиями, и хотя до этого восемь лет прожила в Эльфхейме без них, очень быстро успела привыкнуть к своему новому положению.

Но сейчас я Тарин, поэтому, когда я протискиваюсь сквозь толпу, все смотрят на меня с подозрением и никто не уступает дорогу. Что ж, Тарин – дочь предателя, сестра изгнанницы и жена, подозреваемая в убийстве собственного мужа. Во взглядах окружающих я читаю жадное нетерпение увидеть спектакль с разоблачением, признанием вины и дальнейшим наказанием. Но при этом Тарин никто не боится. Для всех она хоть и возможная преступница, но при этом женщина смертная и слабая.

Я полагаю, что это очень даже хорошо. Чем слабее кажется Тарин, тем легче будет убедить всех в ее невиновности.

Я продолжаю пробираться к помосту, на котором возвышается трон, но смотрю не на него, а по сторонам. Мне кажется, что даже воздух, которым я дышу, пропитан присутствием Верховного короля Кардана. На секунду меня охватывает дикое желание бросить все, повернуться и убежать прочь, прежде чем он меня заметит.

Не уверена, способна ли я сделать то, что задумала.

У меня слегка кружится голова.

Я не знаю, смогу ли смотреть на него так, чтобы на моем лице не отражались чувства, которые я при этом испытываю.

Делаю глубокий вдох и такой же глубокий выдох. Напоминаю себе о том, что он не должен понять, будто перед ним стою именно я. Не узнал же он Тарин, когда она надела мое платье! Вот и сейчас меня в ее платье узнать не должен.

«Кроме того, не забывай, – говорю я себе, – если ты не справишься, то тебя вместе с Тарин ждут большие неприятности».

Неожиданно вспоминаю все доводы Виви, когда она пыталась доказать мне, что это плохая затея – пытаться выдать себя за Тарин. Она права. То, что я сейчас делаю, – это глупость. Безумие. По приговору я должна оставаться в изгнании до тех пор, пока не получу высочайшего помилования, в противном случае меня ждет смертная казнь.

Мне вдруг приходит в голову, что Кардан, возможно, неправильно сформулировал эту часть приговора. А что, если я, как Верховная королева, сама могу помиловать себя? Но затем вспоминаю, как настаивала тогда на том, что я королева фейри, а стражники лишь смеялись в ответ. Кардану не потребовалось отрекаться от меня. Ему достаточно было просто ничего не говорить. И если я помилую саму себя, ему достаточно будет снова промолчать.

Нет, если он меня узнает, мне придется бежать, и прятаться, и надеяться на то, что приемы, которым я научилась во Дворе Теней, окажутся эффективнее приемов, которым обучена королевская стража. Но в таком случае Суд узнает о том, что Тарин виновна, – зачем иначе ей было бы просить поучаствовать меня в этом фарсе? И если я не сумею сбежать…

Я лениво начинаю прикидывать, какую именно казнь может выбрать для меня Кардан. Привязать к прибрежным камням и предоставить всю остальную работу морскому приливу? Никасия с удовольствием взялась бы это организовать.

Впрочем, если Кардан окажется не в духе, есть еще обезглавливание, повешение, обескровливание и четвертование. Или могут живьем скормить верховой жабе…

– Тарин Дуарте, – поизносит рыцарь, прерывая череду моих жутких мыслей. Тон у него ледяной, а серебряные доспехи говорят о том, что этот рыцарь входит в личную охрану Кардана. – Жена Локка. Ты должна встать на место, отведенное для истца.

Я иду, куда мне указано, поняв, что неосознанно встала там, где много раз стояла раньше, когда была сенешалем. Затем вспоминаю, кто я есть сейчас, и низко приседаю, давая понять тем самым, что полностью подчиняюсь воле Верховного короля. Поскольку я не в силах делать реверанс, глядя в лицо Кардану, опускаю голову и все время смотрю в землю.

– Тарин? – спрашивает Кардан, и я внутренне сжимаюсь, услышав этот до боли знакомый голос.

У меня больше нет возможности стоять, потупив взор, и я поднимаю глаза.

Кардан еще красивее, еще прекраснее, чем мне запомнилось. Собственно говоря, все фейри либо прекрасны, либо отвратительны на вид – такова уж их природа. Наш смертный ум не может постичь волшебный народ, его мощь притупляет наш разум.

На каждом пальце Кардана сверкают кольца. С его плеч свисает гравированная и украшенная драгоценными камнями нагрудная броня, прикрывая белоснежную крахмальную рубашку. Носки его сапог загнуты вверх, а их голенища достигают до самых колен Кардана. Виден его обхвативший одну ногу хвост. Очевидно, Кардан не считает больше нужным скрывать его. На лоб Кардана надвинута Кровавая корона.

Он смотрит на меня своими черными с золотистым ободком глазами, в уголках его губ притаилась легкая ухмылка. Темные волосы Кардана падают ему на лицо – свободно, слегка неряшливо, будто он только что выбрался из чьей-то постели.

Я не могу перестать удивляться тому, что когда-то имела власть над ним, Верховным королем Фейриленда. И как самонадеянна когда-то была, считая, что могу удержать эту власть.

Я помню, как эти губы касались моих губ. Я помню все, что он делал со мной.

– Ваше величество, – говорю я, потому что должна что-то сказать и потому что все, что я репетировала, именно с этого и начиналось.

– Мы сочувствуем вашему горю, – величественным тоном произносит он. – И не решились бы беспокоить вас, если бы не крайняя необходимость задать вам несколько вопросов, связанных с кончиной вашего мужа.

– Вы действительно думаете, что она переживает? – спрашивает Никасия. Она стоит рядом с женщиной, которую я пусть не сразу, но узнаю – это мать Кардана, леди Аша. На ней переливается серебристое платье, кончики ее рогов украшены драгоценными камнями. Лицо леди Аши также сверкает серебром, серебряная пыльца нанесена у нее на щеки, блестит на губах. Никасия одета в цвета моря – платье зеленое, словно водоросли, аквамариновые волосы заплетены в уложенную наверх косу и увенчаны короной, искусно сделанной из рыбьих костей и челюстей.

К счастью, ни одна из них не стоит рядом с Верховным королем. Это означает, что должность сенешаля по-прежнему вакантна.

Мне ужасно хочется огрызнуться на Никасию, но Тарин этого не сделала бы, так что и я воздерживаюсь. Ничего не говорю, проклиная себя за то, что знаю, чего Тарин не сделала бы, но гораздо хуже представляю себе, что она стала бы делать.

Никасия подходит ближе, и я с удивлением замечаю на ее лице печаль. Локк действительно когда-то был ее другом и любовником, хотя не думаю, что он был хорош в любой из этих ролей. Впрочем, это совершенно не означает, что Никасия могла желать ему смерти.

– Ты сама убила Локка? – спрашивает она. – Или уговорила свою сестру сделать это ради тебя?

– Джуд в изгнании, – говорю я и тут же отмечаю, что мои слова прозвучали опасно мягко. – И я сама никогда не причиняла Локку вреда.

– Нет? – переспрашивает Кардан, подавшись вперед на своем троне. За его спиной дрожат лозы. Хвост Верховного короля дергается.

– Я люб… – Мне трудно выговорить эти слова, но они их ждут. И я выталкиваю их из себя, слегка всхлипнув при этом. – Я любила его.

– Порой мне казалось, что именно так и было, – рассеянно замечает Кардан. – Но вполне возможно, что ты лжешь. Я собираюсь навести на тебя чары. Они заставят тебя сказать правду.

Он поднимает свою руку, и в воздухе появляется магическое мерцание.

Я ничего не чувствую. Полагаю, что на меня по-прежнему действуют заклинания Дайна. Благодаря им меня не способен околдовать даже Верховный король.

– Ну а теперь скажи мне правду, – приказывает Кардан. – Как тебя зовут?

– Тарин Дуарте, – отвечаю я и делаю реверанс, радуясь тому, как легко удалось мне солгать. – Я дочь Мадока, жена Локка и подданная Верховного короля Эльфхейма.

– Какие прекрасные манеры, – кривит губы Кардан.

– Я была хорошо воспитана.

Это он сам должен знать, как-никак, мы с ним в одной школе учились.

– Это ты убила Локка? – спрашивает он. Шум вокруг меня стихает. Не звучат больше песни, не слышен смех, реже звенят кубки. Народ напрягся. Им интересно, признаю я сейчас свою вину или нет.

– Нет, – отвечаю я и бросаю многозначительный взгляд на Никасию. – Я не убивала сама и не подстраивала его смерть каким-то другим способом. Возможно, причину гибели моего мужа следует искать в море, где его обнаружили.

– Мы знаем, что Джуд убила Балекина, – поворачивается к Кардану Никасия. – Она сама призналась в этом. Кроме того, я давно подозреваю, что она и Валериана убила тоже. Если Тарин не убийца, тогда виновата должна быть Джуд. Моя мать, королева Орлаг, заключила с тобой перемирие. Зачем ей было убивать твоего Мастера развлечений? Какая выгода? Она знала, что он твой друг… и мой тоже.

В конце фразы ее голос срывается, хотя она и пытается скрыть это. Да, ее горе неподдельно, я вижу это.

Пытаюсь вызвать у себя слезы. Было бы очень кстати заплакать именно сейчас, но сделать этого, стоя перед Карданом, мне не удается.

Он смотрит прямо на меня, сведя к переносице свои черные брови.

– Хорошо, скажи, как ты думаешь, это твоя сестра убила Локка? Только не повторяй мне то, что я и без того знаю. Да, я отправил Джуд в изгнание. Это могло остановить ее, а могло и нет.

Как же мне хочется врезать по его самодовольной физиономии, чтобы показать, что меня невозможно остановить.

– У нее не было причин ненавидеть Локка, – лгу я. – Не думаю, что она хотела бы причинить ему зло.

– Так ли это? – с сомнением спрашивает Кардан.

– Возможно, конечно, что это лишь слухи, однако при дворе широко известна история о тебе, твоей сестре и Локке, – вступает в разговор леди Аша. – Она любила его, но он выбрал тебя. Иногда одной сестре просто невозможно вынести, видя, как счастлива другая.

Кардан бросает взгляд на свою мать. Я размышляю над тем, что так сильно могло привлекать ее в Никасии, если не считать, разумеется, того, что они обе – мерзкие твари. И чего, интересно, Никасия ожидает от нее. Да, Орлаг может быть свирепой и ужасной королевой Подводного мира, и мне не хочется больше ни секунды провести в ее присутствии, но она любит свою дочь, этого у нее не отнимешь. Следовательно, Никасия должна и от матери Кардана ожидать большего, чем те жиденькие чувства, которые она в состоянии испытывать даже к собственному сыну?

– Джуд никогда не любила Локка. – Мое лицо краснеет, однако моя стыдливость – это отличная ширма, за которую можно спрятаться. – Она любила кого-то другого. Вот ему она точно желала бы смерти.

С удовольствием замечаю, как вздрагивает Кардан от этих слов.

– Довольно, – говорит он, не давая мне продолжить. – Я услышал все, что мне хотелось знать по этому делу…

– Нет! – прерывает его Никасия, заставляя слегка подскочить всех, кто собрался в тронном зале. Прерывать Верховного короля считается чудовищным нарушением этикета. Даже для принцессы. И особенно – для посла. Едва успев выкрикнуть, Никасия уже, видимо, сознает это, но все же договаривает: – Тарин может иметь на себе какой-нибудь оберег, что-то такое, что делает ее невосприимчивой к чарам.

Кардан бросает на Никасию испепеляющий взгляд. Она не только грубо нарушила этикет, но еще и позволила себе усомниться в магических силах короля. Но проходит секунда, и гнев Верховного короля сменяется каким-то другим чувством.

– Я полагаю, что ее следует обыскать, – криво усмехаясь, объявляет он.

Рот Никасии тоже кривится в злобной усмешке. Мне кажется, что я вновь сижу на уроке в рощице возле дворца и против меня сговорились отпрыски местных джентри.

Вспоминаю и недавнее унижение, когда из меня сделали Королеву Веселья и раздели перед придворными. Если они снимут с меня мое платье сейчас, то сразу увидят и бинты, и свежие порезы у меня на теле, и я не смогу как-либо внятно объяснить их происхождение. И тогда они догадаются, что я не Тарин.

Я не могу допустить, чтобы это случилось. Стараюсь собрать все, что у меня осталось от чувства собственного достоинства, и начинаю говорить, подражая своей мачехе Ориане, ее властному непререкаемому тону.

– Мой муж был убит, – звенящим от напряжения голосом произношу я. – И независимо от того, верите вы мне или нет, я оплакиваю его. И не стану на потеху Двора раздеваться, когда его тело еще и остыть-то толком не – успело.

К несчастью, ухмылка Верховного короля после моих слов становится только еще шире.

– Как пожелаешь, – говорит он. – В таком случае я осмотрю тебя один. В моих покоях.

Глава 7

Я в бешенстве шагаю по коридорам дворца в нескольких шагах позади Кардана. Естественно, нас сопровождают стражники – следят, чтобы я не сбежала.

Мое положение выглядит близким к безвыходному.

Ну, приведет он меня в свои огромные апартаменты, и что дальше? Прикажет стражнику держать меня, а сам начнет снимать все, что может защищать меня от чар – украшения, одежду – пока я не останусь перед ним обнаженной? Если до этого дойдет, Кардан заметит мои старые шрамы, которые уже видел раньше. А если снимет с меня и перчатки – а он их непременно снимет – то увидит палец с отрубленной верхней фалангой, и тогда мне конец.

Одним словом, если он меня разденет, то непременно узнает.

Значит, нужно этого не допустить. В его комнатах есть потайной ход, из которого я смогу выбраться наружу через одно из хрустальных окон.

Бросаю взгляд на стражников. Если их не будет рядом, я смогу прошмыгнуть мимо Кардана, промчаться потайным ходом и выскочить наружу. Только как от них избавиться?

Вспоминаю мерзкую улыбочку Кардана, когда тот объявил о том, что он собирается сделать со мной. Возможно, ему хочется увидеть Тарин обнаженной. В конце концов, он желал меня, но мы с Тарин похожие как две капли воды. Возможно, если я соглашусь добровольно раздеться перед ним, Кардан отпустит свою охрану. Ведь сказал же он, что будет один осматривать меня.

Эти размышления приводят меня к новой, еще более смелой мысли. А что, если мне удастся настолько его отвлечь, что он вообще меня не узнает. Не сможет. Можно задуть свечи и раздеваться перед ним в полумраке…

Эти мысли настолько занимают меня, что я практически не замечаю идущую навстречу служанку. Цокая своими копытцами, она несет поднос с бутылкой бледно-зеленого, как сельдерей, вина и несколькими стеклянными бокалами. Когда мы встречаемся, ее поднос неожиданно качается в мою сторону. Служанка вскрикивает, я ощущаю толчок, и мы со служанкой обе оказываемся на полу, среди осколков разбившихся бокалов.

Охранники останавливаются. Кардан поворачивается. Я удивленно смотрю на девушку-служанку. Мое платье залито вином. Народ крайне редко бывает неуклюжим, поэтому я не считаю наше столкновение случайным и оказываюсь права. Пальцы девушки трогают мою обтянутую перчаткой руку. Чувствую прикосновение к моему запястью чего-то кожаного и стального. Служанка засовывает мне в рукав нож в кожаных ножнах и наклоняется ближе, делая вид, что вытаскивает у меня из волос осколки стекла.

– Ваш отец идет за вами, – чуть слышно шепчет она. – Дождитесь сигнала. Затем ударьте ножом охранника, который будет находиться ближе всего к двери, и бегите.

– Какой сигнал? – шепчу я в ответ, изображая, будто помогаю служанке собирать осколки.

– О нет, миледи, прошу прощения, но вам совершенно не к чему наклоняться самой. Я подберу, – нормальным, звучным голосом произносит она, покачивая головой.

Один из личных телохранителей Верховного короля хватает меня за руку.

– Пошли, – коротко приказывает он, поднимая меня на ноги. Я прижимаю руку к сердцу, чтобы не дать ножу выскользнуть у меня из рукава.

Затем направляюсь в покои Кардана в полном замешательстве.

Мадок идет спасать Тарин. Это лишний раз напоминает о том, что если я у него не в чести, то моя сестра, напротив, пользуется расположением отчима. Ведь именно она помогла ему уклониться от клятвы верности Верховному королю. Она отдала в его распоряжение половину королевской армии. Интересно, какие планы у Мадока на мою сестру и что он мог обещать Тарин. Представляю, как он доволен, что она избавилась от Локка.

Но что будет делать Мадок, когда явится? С кем он собирается драться? И что скажет, когда вместо Тарин обнаружит меня?

Двое слуг открывают тяжелые двойные двери в королевские покои, и Кардан заходит внутрь, где сразу же валится на низкую кушетку. Я захожу следом и неловко останавливаюсь на середине ковра. Никто из охранников в покои короля не заходит, и двойные двери сразу же закрываются у меня за спиной. Что ж, по крайней мере, мне не нужно будет придумывать способ заставить Кардана избавиться от – охраны.

И у меня есть нож.

Гостиная короля осталась такой же, какой я ее помню со времен заседаний Совета. Воздух в ней пахнет дымом, вербеной и гвоздикой. Кардан развалился, задрал свои ноги в сапогах на каменный стол, искусно вырезанный в виде грифона, хищно поднявшего когти. Верховный король одаривает меня мимолетной заговорщицкой улыбкой, идущей совершенно вразрез с тем, что им было произнесено с трона.

– Ну, – говорит он, похлопывая ладонью по кушетке рядом с собой. – Ты мои письма получала?

– Что? – Я настолько ошеломлена, что это слово получается у меня похожим на воронье карканье.

– Ты ни разу не ответила ни на одно из них, – продолжает он. – Я уж начал подумывать, не растеряла ли ты свои амбиции, оказавшись в мире смертных.

Это, должно быть, тест. Западня. Ловушка.

– Ваше величество, – сухо отвечаю я. – Я полагала, что вы привели меня сюда, для того чтобы лично убедиться в том, что на мне нет никаких амулетов и оберегов.

Король поднимает одну бровь, его улыбка становится еще шире.

– Проверю, если ты того хочешь. Мне все равно. Приказать тебе снять одежду?

– Что вы делаете? – с отчаянием восклицаю я. – Какую игру затеяли?

Он смотрит на меня так, словно это я веду какую-то странную игру, и говорит:

– Джуд, неужели ты на самом деле могла подумать, что я тебя не узнаю? Я понял, что это ты, с первой секунды, когда ты только-только вошла в тронный зал.

– Это невозможно, – трясу я головой. Если бы он узнал меня, то не здесь я была бы сейчас, а сидела в сырой камере в Башне Забвения и готовилась к своей скорой казни.

Но, может быть, он доволен тем, что я нарушила условия ссылки? Доволен и рад тому, что я сама отдала себя в его руки. Играет теперь со мной, как кошка с мышкой.

Он встает с кушетки и говорит, пристально глядя на меня:

– Подойди ближе.

Я делаю шаг назад.

– Мои советники сказали мне, что ты встречалась с посланницей Двора Зубов и потому, возможно, сотрудничаешь теперь с Мадоком. Мне не хотелось этому верить, но по тому, как ты смотришь на меня, придется, наверное, поверить. Скажи мне, что это неправда.

В первое мгновение я вообще не понимаю, о чем он, затем вспоминаю. Грима Мог. Ну, конечно же, Грима Мог!

– Я не предательница, – говорю я, но тут же вспоминаю про спрятанный у меня в рукаве нож.

– Если ты злишься из-за… – Он не договаривает и внимательнее всматривается в мое лицо. – Нет, ты не злишься. Ты боишься. Но с чего бы тебе бояться меня?

Меня бросает в дрожь от чувства, которое я едва ли могу понять.

– Не боюсь, – лгу я. – Я ненавижу тебя. Ты отправил меня в изгнание. Все, что ты говорил мне, все, что обещал, оказалось обманом. А я была настолько глупа, что однажды поверила тебе.

Нож в кожаных ножнах легко соскальзывает в мою руку.

– Разумеется, это был обман… – начинает Кардан, но не договаривает, увидев оружие.

Все трясется от взрыва – достаточно близкого и сильного, чтобы заставить нас застыть на месте. С полок падают и разлетаются по полу книги. Мы с Карданом с одинаковым удивлением смотрим друг на друга. Затем он осуждающе хмурится и прищуривает глаза.

Предполагается, что в этот момент я должна ударить Кардана ножом и бежать.

В следующую секунду совсем рядом раздается звук, который невозможно спутать ни с чем. Звон металла о металл.

– Оставайся здесь, – говорю я и вытаскиваю нож из ножен, которые бросаю на пол.

– Джуд, не надо… – кричит мне вслед Кардан, но я уже вылетаю за дверь.

Один из охранников мертвым лежит на полу, у него из груди торчит копье. Остальные стражники сражаются с солдатами Мадока – элитными, закаленными в боях, смертельно опасными. Я знаю их, знаю, что они безжалостны в бою, и если эти солдаты уже так близко подобрались к Кардану, то жизнь Верховного

короля в опасности. В очень большой опасности.

Вспоминаю о потайном ходе, по которому собиралась бежать из тронного зала. Что ж, я могу провести по нему Кардана в обмен на помилование. Либо он прекращает мое изгнание и остается живым, либо пусть надеется на то, что его увальни-телохранители сумеют справиться с головорезами Мадока. Я уже собираюсь вернуться к Кардану, когда один из солдат в шлеме хватает меня за руку.

– Тарин у меня, – хриплым женским голосом кричит солдат, и я узнаю ее. Это Силья, она наполовину гульдра. Ужасная тварь. Я видела, с каким наслаждением она резала глотки куропаткам.

Я бью ее ножом по руке, но его лезвие не способно пробить толстую боевую рукавицу. Пальцы Сильи стальным обручем сжимают мое запястье.

– Дочка, – слышу я тяжелый низкий голос Мадока. – Дочка, не бойся…

Его рука держит тряпку, от которой воняет приторной, тошнотворной сладостью. Мадок прижимает эту тряпку к моему лицу, закрывая мне нос и рот. Я чувствую, как бессильно расслабляются мои руки и ноги, а в следующий момент не чувствую уже ровным счетом ничего.

Глава 8

Проснувшись, обнаруживаю себя в лесу, которого не могу узнать. Не чувствую распространенного повсюду запаха моря, не слышу шума волн. Вокруг меня папоротники, лесная подстилка из опавших листьев, доносятся потрескивание огня и отдаленный гул голосов. Сажусь. Выясняется, что я лежу на плотных одеялах, и накрыта ими же. Нет, это не одеяла. Это лошадиные попоны – элегантные, правда. Замечаю стоящую неподалеку карету с раскрытой дверцей.

На мне по-прежнему надето платье Тарин, на руках – ее перчатки.

– Не обращай внимания на головокружение, – мягко говорит мне голос. Ориана. Она сидит поблизости, одетая в шерстяное платье, надетое, как мне кажется, поверх нескольких юбок. Ее волосы зачесаны назад и заправлены под зеленую шапочку. Сейчас Ориана выглядит совершенно непохожей на ту воздушную, невесомую придворную даму, какой я знала ее раньше. – Оно пройдет.

Я провожу рукой по своим волосам – они теперь распущены, хотя в них все еще сохранились шпильки.

– Где мы? И что произошло?

– Твой отец с самого начала был против того, чтобы ты оставалась на островах, а теперь, когда ты лишилась защиты Локка, Верховному королю очень скоро придет в голову мысль взять тебя в заложницы. Это лишь вопрос времени.

Сильно потираю лицо ладонью. Возле огня какая-то похожая на длинное насекомое фейри помешивает в большом котле.

– Хочешь супа, смертная? – спрашивает она.

Я отрицательно трясу головой.

– Хочешь супа? – с надеждой повторяет фейри. Ориана отмахивается от нее, берет стоящий на земле рядом с костром чайник и наливает из него в деревянную чашку дымящуюся жидкость, пахнущую корой и грибами.

Я делаю глоток и сразу же, резко, моя голова перестает кружиться.

– Верховного короля взяли в плен? – спрашиваю я, начиная вспоминать, как схватили меня саму. – Он жив?

– Мадоку не удалось добраться до него, – с явным сожалением отвечает Ориана.

Чувствую огромное облегчение и ненавижу себя за это.

– Но… – начинаю я, собираясь спросить о том, чем же закончилась та схватка, однако вспоминаю о том, кто я есть, и прикусываю свой длинный язык. На

протяжении многих лет мы с Тарин как бы менялись ролями, притворялись друг другом. Чаще всего это сходило нам с рук, пока мы не заходили в этом слишком далеко или не допускали очевидных промашек. Если я не начну делать глупостей, у меня есть неплохой шанс протянуть эту игру до того момента, пока смогу сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/holli-blek/koroleva-nichego

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить